

Annotation

Жизнь Вэл меняется навсегда. Она больше не слабая девушка, которая не способна постоять за себя. Она восстает из пепла былых надежд, чтобы возродиться в новом облике – хладнокровной помощницы госпожи разбойничьей шайки. Ее кинжал обагрён кровью, а сердце превратилось в лед. Единственные, кто имеет для нее значение, – это бродячий мальчишка и собака.

Казалось, будущее предопределено, но прошлое неумолимо настигает и ставит перед тяжелым выбором.

Что важнее: былая верность стае или новые друзья и привязанности? И что сильнее: мучительная любовь к черному зверю или свобода?

* * *

Ольга Аро

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

* * *

Ольга Аро

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЗВЕРЯ

ГЛАВА 1

– Красивый. – Мальчишка, смахнув со лба непокорные вихры, отправил в рот кусок белого хлеба.

– В оружии красота не главное. – Вэл подняла клинок ближе к свету, наблюдая, как солнечный блик играет на остром лезвии.

– Если это не главное, зачем ты попросила кузнеца сделать рукоять с этими камушками? – Никс весело прищурился, поглядывая на девушку.

– Хороший вопрос, – пряча улыбку, задумчиво протянула Вэл, рассматривая полудрагоценные черные матовые камни, украшающие рукоять кинжала, а затем перевела взгляд на восседающего на кровати парнишку. – Слушай, я тысячу раз говорила тебе: не ешь в моей постели!

– Прости. – От одного взгляда направленных в свою сторону голубых глаз Никса как ветром сдуло с кровати.

Вэл вздохнула, опуская плечи.

Мальчишка побаивался ее, наверное, даже уважал, но это не мешало ему моментально забывать о некоторых вещах, которые невероятно раздражали девушку.

Она и сама не знала, почему позволила Никсу находиться рядом. То ли его пронырливость, то ли некое безразличие Вэл к этому вопросу сыграло свою роль, но Никс вошел в ее новую жизнь, не спрашивая на то разрешения.

Она внутренне усмехнулась, вспоминая, как первое время, после того как Джанека великодушно приняла ее в гильдию, маленький воришка неотступно следовал за ней, поначалу скрываясь в темных подворотнях, несмело выглядывая и провожая взглядом, а затем, спустя несколько дней, будучи уверенный, что объект слежки не подозревает о его существовании, пробрался в мансарду.

Глупый малыш, возомнивший себя взрослым.

Вэл вжала его в стену, прижимая запястье к тонкому горлу и заставляя высоко задрать подбородок.

– Совсем страх потерял? – прошипела она, ногой отодвигая яростно рычащего Раша.

Вредить мальчишке не было никакого повода и ни малейшего желания, к тому же Вэл давно знала о том, что сопляк следит за ней.

– Я... простите... – прохрипел парнишка.

Глаза, круглые от страха, налились слезами. Вэл презрительно фыркнула и резким движением швырнула мальчишку на пол. Тот повалился на половик, будто куль с тряпьем.

Раш с рычанием бросился к нему и схватил зубами за штанину. Паренек взвизгнул от боли, подбирая под себя ноги.

– Нельзя! – рявкнула Вэл, и Раш, недовольно посмотрев на хозяйку, отошел в сторону.

– Кто тебя подослал? Джанека? – Вэл несильно пнула парнишку носком сапога.

– Н-нет, – пискнул тот, сжимаясь в клубок.

– А кто? – начиная уставать от ситуации, нетерпеливо спросила Вэл. – Отвечай, или я прирежу тебя! Какого демона ты забыл у меня дома?

Нижняя губа мальчишки предательски затряслась. Светлые пшеничные волосы, спутанные, криво подстриженные и прикрывающие уши, мгновенно пропитались потом, заструившимся по бледному лицу.

Вэл закатила глаза и выдохнула.

«Спокойно. Просто держи себя в руках».

– Спрашиваю последний раз, – процедила сквозь стиснутые зубы Вэл, – что ты здесь делаешь и кто тебя подослал?

– Н-никто, – запинаясь, промямлил мальчишка, – я с-сам.

– Сам? – Вэл удивленно приподняла брови. – Издеваешься? Раш!

Черный пес мгновенно отозвался на свою кличку. Верхняя губа поднялась в оскале, обнажая острые белоснежные клыки. Глухое, не предвещающее ничего хорошего рычание вырвалось из его пасти.

– Честно! Клянусь! – Мальчишка шмыгнул носом, пятясь по полу назад. Серые глаза, широко распахнутые от испуга, блестели влагой.

– О боги, – простонала Вэл, – зачем ты следил за мной? Давай уже говори, пока мое терпение не иссякло.

– Н-не знаю... – прошептал парнишка, с опаской поглядывая на Раша. – Простите, миледи. Я... просто... Не знаю... Я хотел...

– Хотел? И что же ты хотел? – Вэл злилась на ситуацию.

Самой ей хотелось только одного – лечь в кровать и забыться сном, а не разбираться с непонятым замызганным пацаненком, чуть не наделавшим в штаны от страха.

– Я хотел... познакомиться, – выпалил парнишка.

Вэл не сдержала вздох удивления. Она была готова услышать что угодно, но не то, что произнес мальчишка.

– Шутишь? Скажу, идиотские у тебя шутки. – Поморщившись, Вэл пожала плечами. – Лучше бы сказал, что хочешь обчистить мой дом. Это звучало бы куда правдоподобнее, знаешь ли.

– Нет! – поспешно выкрикнул парнишка. – Я не думал даже! Никогда!

Вэл нахмурилась, рассматривая бледное вспотевшее лицо. Что-то подсказывало ей, что мальчик не врет. Что-то, мелькнувшее в широко распахнутых серых глазах. Что-то, так неуловимо похожее на...

Она стиснула кулаки, кусая губы. Когда-то Ра видел ее такой же, верно? Испуганной, жалкой, с глазами, полными слез. Стремящейся к человеку сильнее себя. Смотрящей на него как на невидаль, существо из другого мира.

Ищущей защиту.

– Убирайся отсюда, пока я не передумала! – Горечь, сквозившая в сдержанном тоне, не укрылась от самой Вэл, но осталась не замеченной мальчишкой. – И больше не попадайся мне на пути!

Парнишка не был глуп. Следовало это отметить. Он вскочил на ноги и прошмыгнул в дверь так быстро, словно за ним гнались все демоны преисподней. Но вот с «не попадаться на пути» у него случилась промашка.

Иногда Вэл думала, что вело ее в ту ночь дорогой, отличной от обычной. Собственная воля или воля богов? Кто знает.

Но если это боги послали ее на этот путь – они желали, чтобы случилось то, что случилось.

Вэл покинула Джанеку злая и одновременно растерянная. Не нравилась ей кровожадность госпожи в некоторых вопросах.

Вот и сегодня, узнав о том, что Джанека приготовила, Вэл выразилась резко и принципиально – убивать детей она не будет. Никогда. Даже за большое вознаграждение. Даже детей, отец которых вырезал семью одного из гильдии Джанеки.

Госпожа была в ярости. Вэл стояла на своем, зная, что ходит по лезвию бритвы. Пусть. Есть вещи, которые должны оставаться неизменными.

Они так и не пришли к согласию, и Вэл покинула госпожу, понимая, что в ближайшее время придется сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть ее расположение.

Впрочем, слухи, доносившиеся до Вэл, приободряли. Вору, бездомные и преступники всех мастей шептались за спиной девушки, и кое-что, долетавшее до нее, удивляло и одновременно заставляло улыбнуться. Например, что ее считали честной убийцей. Порядочной.

Если такие вообще существовали в этом прогнившем мире.

А убивать Вэл научилась. Судя по всему, получалось это у нее не хуже, чем воровство кошельков в рыночной толпе.

Нет, не было никакого изматывающего боя с равным противником, никакой доблести и

чести.

Сумрак ночи и лунный свет; имя, накорябанное на смятой бумажке или сказанное вслух, и отсутствие вопросов – одно слепое повиновение.

Ее называли Тень.

И только Тень могла, незаметно подобравшись, перерезать горло пьяному забулдыге, перечившему Джанеке, или вонзить клинок в сердце мирно спящего попрошайки, не отдавшего свою часть доли строгой госпоже.

Бесчестная честная убийца, подчищающая за Джанекой ее грязные дела.

Вэл и сама не понимала, когда в ней сломалось то, что прежде не позволяло хладнокровно отпускать тетиву лука или вытаскивать из-за пояса изогнутый клинок.

Выследить ни о чем не подозревающую жертву было просто. Исчезнуть в сумраке, скрывая свое лицо под капюшоном, казалось естественным, будто она всегда занималась только этим.

Почти истина, не так ли? Вся ее жизнь – это попытка раствориться в людской толпе, смазать собственное лицо.

Умелая воровка, которая стала неплохой убийцей.

Горько, словно она не оправдала ожиданий матери. Только вот матери у нее не было.

Когда-то Вемир говорил, что она вряд ли сможет убивать, глаза у нее не те.

Вэл не знала, что значит «не те». Но знала, в том числе и благодаря тренировкам Вемира, что стала той, кем не должна была стать.

Никаких угрызений совести, никакой вины за содеянное.

Удовольствие? Нет, скорее удовлетворение от того, что наконец все встало на свои места.

Она не чувствовала ровным счетом ничего или старательно делала вид, что не чувствовала. Она не хотела задумываться о своей жизни, разбирать мотивы собственных поступков – от этого уловимо пахло гнилостным, сладковатым душком самообмана.

Но правду не скрыть, верно? От этой мысли становилось тошно, как от приторной медовухи, льющейся в пересохшее горло.

«Будь честна сама перед собой и признай это, Валлери».

Все лежало на поверхности – она наказывала себя. Жестоко, изощренно, уничтожая в своем естестве главное – истинную себя.

Вэл наслаждалась тем, как рушатся твердыни ее принципов и правил, гордости и морали, покрываясь глубокими трещинами.

За Шейна. За Раза. За собственную глупость, повлекшую необратимые последствия.

«Хватит».

Мысли, не несущие в себе ничего. Не стоит тратить на них время.

Вэл поморщилась, загоняя внутренние терзания в самую глубь своей темной как ночь души.

Громкий шум привлек внимание. Двери захудалой таверны были распахнуты, оттуда доносились пьяные голоса и смех вместе с запахом блевотины и скисшего пива.

Она прищурилась, рассматривая близ таверны сгорбленную фигуру, скорчившуюся на заплывающей брусчатке. В свете одинокого фонаря были явственно видны четверо мужчин, стоявшие полукругом, как хищные звери, загнавшие в ловушку свою жертву.

Хотелось пройти мимо. Чужие хмельные разборки не касались Вэл, только взгляд так не вовремя выхватил из общей картины знакомое бледное лицо.

Кровь стекала из разбитой губы, под заплывшим слезящимся глазом наливался огромный синяк, отпечаток грязного сапога виднелся на алевшей скуле.

Вэл колебалась всего мгновение.

– Отвалите от него! – крикнула она, ускоряя шаг.

Мужчины обернулись, и злые ухмылки сменились кровожадным удовольствием. Конечно, еще одна возможная жертва. Так кстати, пока не развеялся дурманивший пустые головы азарт.

Вэл внутренне напряглась, словно собираясь в пружину. Ближний бой, да еще и с четырьмя крупными мужчинами – явно не лучшая перспектива на сегодняшний вечер. Да и, как назло, Раша не было рядом. Но, увидев лицо мальчишки, залитое кровью, она не могла позволить себе безразлично пройти мимо.

В конце концов, это был обыкновенный ребенок, которому, как и Вэл когда-то, «повезло» родиться не в то время и не в том месте.

– Че надо, шлюха? – Коренастый мужик, судя по грязному одеянию, типичный обыватель этого богами забытого места, прищурил узкие глаза, недобро поглядывая на приближающуюся девушку.

– Отпустите мальчишку. – Вэл предусмотрительно остановилась в десятке шагов от ухмыляющихся мужчин.

Нехорошая ситуация вырисовывалась, очень нехорошая.

– Да ну? Еще че хочешь? – Мужик с вызовом сплюнул. – Может, отсосать нам?

– За что бьете? – Вэл смотрела прямо в лицо коренастого мужика, прикидывая свои шансы.

Прикидывать было нечего – их просто не было. Одолеть одного – может быть, но никак не четверых. Ее оружием были темнота и тишина, идущие бок о бок с кошачьей

ловкостью, а бой лицом к лицу равносителен смертельному приговору.

– А ты, смотри-ка, разговорчивая какая. Иди-ка сюда, я тебе расскажу! – За спиной мужика загоготали его дружки.

– Ты, должно быть, крут, да? Главный, что ли? – Вэл знала, что лучше уйти.

Замолчать, забыть и не рисковать. Но краем глаза она видела изумленное, полное надежды лицо маленького воришки, а внутри все сжалось от одной только мысли о спасении собственной шкуры.

Остро запахло неприятностями.

– А тебе что за дело? Сама-то кто такая, шалава?

– Никто. – Ладонь предусмотрительно легла на рукоять кинжала. – Отпусти мальчишку, и я уйду.

– Захлопнись, поняла? – хохотнул мужик, и его соратники с удовольствием поддержали его громким пьяным смехом.

– Понятнее некуда, – мягко проговорила Вэл, внимательно наблюдая за движениями бурно веселящейся компании.

Коренастый с лязгом выхватил из ножен короткий меч, бросаясь на Вэл. Она, поминая недобрым словом свой талант влипать в нехорошие ситуации, легко отбила клинок мужика и парой ударов заставила его отступить назад. Мужик зарычал, казалось, теряя человеческое лицо.

«Вот настоящие оборотни, – пронеслось в голове. – Пьяные твари».

Атака была сильной, мужик давил весом, и Вэл с трудом отклонила его удар. Трое приятелей двинулись с места, и она, понимая, что в ближнем бою мало чего стоит, ловко ушла от одного из нападавших, резво наклонившись и пропуская огромный кулак над головой.

– Беги! – крикнула мальчишке, и тот, замороженный происходящим, дернулся, вскакивая на ноги.

Вэл едва успела отбить сильный выпад, резко развернувшись и чудом избежав ранения в живот, и тут же попятилась в сторону, скользя вдоль здания таверны.

Плохо дело, очень плохо. Одна против четверых, лицом к лицу – у нее не было никаких шансов.

Хорошее завершение вечера, нечего сказать. Как бы она ни была зла на собственную жизнь, но подохнуть у стен замызганной дешевой таверны не входило в ее планы.

– Сюда! – Тонкие пальцы сомкнулись на запястье.

Вэл, краем глаза замечая худую фигурку парнишки, в самый последний момент отбила удар меча хрипевшего от ярости коренастого мужика.

– Бежим! – Мальчишка с силой потянул ее в сторону. – Скорей!

И Вэл, не придумав ничего другого, решила последовать его совету. Лучше позорное бегство, чем бесславная смерть от меча выпивохи.

Быстрым ловким движением она увернулась, огибая двух противников со спины, и бросилась прочь, подгоняемая проклятиями в свой адрес.

Бегать она умела — этого было не отнять. Парнишка, впрочем, не уступал ей, а скорее превосходил.

Он несясь вперед, как заяц, путая след, ныряя в темные закоулки и подворотни, и спустя несколько минут Вэл остановилась, тяжело прислонившись спиной к стене какого-то здания. Кинжал, направляемый твердой рукой, легко вошел в ножны.

— погоди! — крикнула она, и мальчишка обернулся, останавливаясь. — Они отстали.

— Ага. — Тяжело дыша, паренек присел на корточки и улыбнулся.

Улыбка вышла устрашающей. Разбитое лицо и заплывший глаз наделили вполне приятное лицо воришки жуткой гримасой.

— Какого демона ты там делал? — Вэл тряхнула головой, заправляя за ухо длинную прядь, выбившуюся из собранных в хвост волос. — За что били-то?

— Украл у главного кошелек, — немного смущенно пояснил мальчишка, и Вэл глубоко и разочарованно выдохнула.

— Ты даже воровать не умеешь, — презрительно фыркнула она. — Неудивительно, что они тебя поймали.

Паренек не отреагировал на насмешку, не отрывая странного взгляда от ее лица.

— Что? — Вэл нахмурилась, оглядываясь через плечо. — Мы оторвались от них...

— Ты спасла меня, — произнес мальчишка с восторженным придыханием.

Внутри точно мазками алой краски раскрасило. Непрошенные воспоминания окутали плотным удушливым коконом.

Недлинные темные волосы, подстриженные чуть короче на висках. Черные прищуренные глаза, с легким оценивающим интересом смотрящие в испуганные голубые.

— Кто... ты? — спросила прежняя, незнакомая, давно ушедшая в небытие Вэл, и мужчина усмехнулся, поворачиваясь спиной и намереваясь уйти.

— Нет, подожди, не оставляй меня здесь! — Крик эхом раздался в голове Вэл, разрезая изнутри подобно ножу легко, не встречая сопротивления.

Это было так давно, что казалось полузабытым сном.

Вэл распрямила спину, сразу становясь выше. Губы непроизвольно сжались в тонкую линию.

— Мне пора. — Она подняла руки и накинула капюшон, скрывая лицо в тени.

– Стой! – Мальчишка сглотнул, вскакивая на ноги и судорожно выбрасывая вперед руку. – Не уходи!

Вэл промолчала и развернулась, оставляя за спиной ошеломленного паренька.

«О боги, как вы беспощадны в своей справедливости».

Шаг, еще один, вперед от прошлого, настигающего ее с убийственной жестокостью.

Это выражение серых глаз. Немая просьба. Восхищение. Надежда.

– Пожалуйста, подожди! – Умоляющие нотки в голосе мальчишки вывернули наизнанку.
– Не оставляй меня! Пожалуйста! Прошу тебя!

Вэл остановилась, смотря прямо перед собой и не видя ровным счетом ничего. Нервный хриплый смех вырвался из груди, она прижала тыльную сторону ладони ко рту, замолкая.

– Как твое имя? – не оборачиваясь, спросила, медленно опуская руку.

– Никс, миледи, – скомканно, с нескрываемой радостью в голосе ответил парнишка.

Вэл услышала его шаги, а затем мальчик поравнялся с ней и несмело поднял отекавшее разбитое лицо, тщетно пытаясь увидеть под капюшоном глаза своей спасительницы.

– Идем, надо привести тебя в порядок. – Вэл двинулась вперед, зная, что Никс неслышно следует за ней.

ГЛАВА 2

– Тень?

– А? – Вэл лениво закинула в рот жареный кедровый орешек и подняла глаза к небу.

Прозрачно-чистая, как вода лесного озера, огромная голубая синева раскинулась над ней, бесконечная и необъяснимо притягательная.

Вэл опустила ладонь, дотрагиваясь пальцами до шелковистой зеленой травы. Она лежала на спине, раскинув руки и согнув одну ногу в колене. Черный плащ валялся рядом.

Подставляя лицо последним солнечным лучам уходящего лета, глубоко вдохнула теплый воздух.

– Ты спишь, что ли? – Никс сел на траве и потянулся за мешочком с орехами.

Непослушные пшеничные вихры обрамляли симпатичное худое лицо с живыми серыми глазами. Вэл нравились эти глаза, всегда блестящие в предвкушении приключений. Смешной мальчишка и отчасти глупый в своем неувядающем радостном взгляде на мир вокруг.

Удивительно.

Она не могла припомнить, чтобы сама была такой когда-то. Все было так схоже: загаженный, воняющий мочой и развратом клубок никчемных жизней, только Вэл всегда видела вокруг себя грязь, а Никс словно перешагивал через нее, отгораживаясь, будто щитом, улыбкой.

«Не помнишь или не хочешь помнить себя такую?»

— Ты когда-нибудь отстанешь от меня? — улыбнувшись уголками губ, поинтересовалась Вэл.

Ответ она знала, но не могла не спросить.

— Не-а, не отстану, — Никс залез рукой в мешочек с орешками и принялся самозабвенно в нем копать, — не надейся.

— Не сомневалась. — Вэл прикрыла веки.

— Тень, а что у тебя с Джанекой? — как ни в чем не бывало поинтересовался Никс, отправляя в рот пару орешков.

Вопрос заставил недовольно поморщиться.

Ну вот, приплыли.

— Хватит, дай хоть разок отдохнуть без твоих вопросов. — Она и не собиралась скрывать свое неудовольствие, но мальчишка, казалось, совсем не обратил на это внимания.

— Да ладно тебе! Уж не просто так ты у нее в любимицах! Все об этом говорят. — Веселый голос Никса начинал раздражать, как и его бесконечные вопросы, порой настолько неожиданные, что ответы на них едва ли предполагали ложь — Вэл просто не успевала придумывать правдоподобную версию.

— Все? И кто это все? Ты? — пробормотала она, поднимая веки и устремляя взор в синее небо.

Вэл злилась на мальчишку и одновременно злилась на себя. Слишком часто Никс заставлял ее вспоминать. Своими бесконечными вопросами он легко и непринужденно закидывал Вэл в прошлое, как рыбак удочку подальше от берега.

Боги действительно великие шутники.

— Тень, ну скажи! — канючил Никс, и Вэл со вздохом поняла, что сил на сопротивление не осталось.

Не сегодня, не в этот редкий спокойный солнечный день, когда они наконец выбрались из душного города.

– Между нами ничего нет, если ты про то, сплю я с ней или нет, – сухо ответила она.

– И что – ни разу? Вот совсем? – Никс вытер губы ладонью и отбросил мешочек с орехами в сторону.

«Еще немного, и его разорвет от любопытства», – с усмешкой подумала Вэл.

– Ни разу, представляешь?

По небу пролетел косяк птиц. Вэл проследила за их полетом, невольно улавливая направление.

Свободные, они летели в сторону Гиблой топи. Полдня или день – и этот самый косяк достигнет скрытый за горами город.

– И как у тебя это получается? Кривой Сэм вон сколько вокруг нее вился, а ты пришла и сразу же оказалась в любимцах. Чудеса. Ты что-то от меня скрываешь! – Парнишка улыбался, но Вэл не особо верила в его наигранную веселость.

Каждый день Никс задавал вопросы, стараясь узнать все о своей покровительнице, а она, будучи скупа на рассказы, редко удовлетворяла эту его потребность.

Вэл не желала говорить о своем прошлом, оставив его за спиной, но мальчишка был чрезвычайно упорен.

– Опыт большой, – горько хмыкнула она, – не боюсь я грозных и ужасных.

– Это ты о чем? – В серых глазах загорелись озорные огоньки.

– Ни о чем, малыш. Рано тебе еще лезть туда, куда не просят.

Никс обиженно насупился и сложил руки на груди.

– Я не такой уж и малыш.

Вэл промолчала, задумчиво рассматривая единственное проплывавшее по небу тонкое рваное облачко.

Года, разделяющие ее и Никса, казались пропастью. Но это сейчас, когда мальчишке только четырнадцать.

Насколько старше был Раза? Вэл почувствовала укол боли и тут же прогнала невыносимые мысли. Не стоит думать о том, что не случилось.

– Говорят, она предпочитает женщин, – задумчиво сказал Никс, поглядывая искоса.

– Думаю, так и есть. – Вэл подложила под голову руки и закрыла глаза.

Сонливость медленно, но верно опутывала своими прочными сетями.

– А ты?

– Я? – растерянно переспросила Вэл, не сразу понимая, о чем спрашивает парнишка.

– Кого предпочитаешь ты?

– Что за вопросы, Никс? – огрызнулась в ответ.

Дремоту как рукой сняло. Вэл закрыла лицо руками и потерла веки.

«Твою ж мать, – хотелось сказать ей. – А день так хорошо начинался».

– Ты не спишь с мужчинами, я знаю. Ты любишь женщин? – Мальчишка не сдавался, явно почувствовав ее нежелание идти на конфликт. Хитро и до крайности бесцеремонно.

Вэл захотела парой метких слов поставить его на место, но почему-то никак не могла заставить себя это сделать.

– О, ты продолжаешь следить за мной? Какая проницательность, но смею тебя разочаровать – женщин я тоже не люблю, – раздраженно произнесла Вэл, меряя мальчишку уничтожающим взглядом.

Никс поймал рассерженный взгляд, и внезапно тень упала на его лицо.

– Уверена? – Парнишка резко подался вперед, смело перекидывая ногу через бедро Вэл и нависая над ней сверху. Палец коснулся обнаженной ключицы.

Она медленно втянула носом воздух, чувствуя тепло чужого прикосновения на своей коже.

– Уйди. Сейчас же, – процедила сквозь стиснутые зубы.

– А если я не хочу? Что тогда? – с вызовом спросил Никс.

Вэл молчала, сузив глаза и рассматривая непривычно серьезное лицо паренька.

Вот оно что, значит. И как давно Никс рассматривает ее как свою потенциальную любовницу? Не рано ли ему заглядываться на девушек?

Она поморщилась, сжав губы.

Не рано. Для паренька, выросшего на улице, – даже поздно.

– Не влюбляйся в меня, – тихо произнесла Вэл, наблюдая, как вспыхивают красным щеки мальчишки, – я не смогу ответить тебе взаимностью.

– П-почему? – Его голос дрогнул.

Вот он и растерял всю уверенность.

Вэл, глядя в лицо мальчишке, сжала расслабленную прежде ладонь в кулак.

– Потому что я не могу никого любить, – честно ответила Никсу.

Она не врала и не преувеличивала: ее сердце было мертво уже слишком давно, чтобы

сомневаться в собственных словах.

– Почему? – потухшим голосом спросил он.

Серые глаза его, казалось, потеряли весь огонь.

Вэл помолчала, рассматривая растерянное лицо в обрамлении желтых, цвета спелой пшеницы, волос. Как много она могла бы рассказать ему. Могла открыться, выкладывая все карты, не скрывая ничего о черноволосом мужчине, имя которого незримо висело в воздухе между ними, о городе за горами и о тех, кто был ей бесконечно дорог и кого она покинула, даже не попрощавшись.

Слишком много чувств, которые ее сгубили.

Теперь она училась жить без них.

– Когда-нибудь я расскажу тебе. А сейчас просто слезай с меня, и забудем об этом, – спокойно сказала Вэл.

Она видела колебание в движениях мальчишки, но потом Никс выдохнул и отодвинулся, усаживаясь рядом на траву и стыдливо опуская голову.

– Я не понимаю тебя. Ты разрешила мне жить у себя и кормишь меня... и покупаешь мне вещи... и тебе ничего от меня не нужно, – растерянно пробормотал он, не смея поднять глаз.

Его смущение показалось Вэл очень милым в своей искренности. Всего пару мгновений назад Никс откровенно, хоть и неумело, соблазнял ее, а теперь не знает, куда деться от стеснения.

– Что тебя удивляет?

– Я думал, ты будешь... спать со мной. Ведь так не бывает, чтобы... – Никс шумно сглотнул. – Просто так.

Еще немного, и он, казалось, провалится сквозь землю.

Вэл стало отчасти жалко его. Такой смелый и такой глупый.

– Знаешь, когда-то я тоже так думала, Никс, и как-то предложила себя одному человеку, спасшему меня. Но он сказал, что ему не нужна моя жизнь. – Вэл слабо улыбнулась и, опершись о землю, покрытую мягкой травой, села, обхватывая рукой согнутое колено.

– Ты тоже спасла меня! – Никс вскинул голову, опаяв взглядом серых глаз.

– Глупости, – фыркнула Вэл, пренебрежительно махнув ладонью, – ты и сам мог бы сбежать от тех пьянчуг, будь ты посмелее.

Никс долго молчал, разглядывая траву с таким видом, словно впервые в жизни обратил на нее внимание. Вэл видела, как мелко дрожат его пальцы, мальчишка срывал травинки и тут же бросал их.

– Тень, никто никогда не заступался за меня, – наконец скомканно проговорил

Никс, не поднимая глаз, — ни разу в жизни. В Книге сказано, что...

Вэл уже сожалела о минутной откровенности. Зря она вообще позволила случиться этому разговору. Маска безучастности привычно опустилась на ее лицо, скрывая бушевавшие эмоции.

— Да-да, знаю, — сказала она поспешно, будто предмет их разговора не значил ровным счетом ничего, — но давай забудем о том, что там написано. Пожалуйста, Никс. Я не хочу, чтобы ты считал, что должен мне и именно поэтому до сих пор со мной рядом.

— Я не поэтому рядом! — горячо воскликнул мальчишка. — Ты такая... не такая, как все!

Вэл замолчала, растерянно разглядывая заалевшее лицо Никса.

«Не такая, как все?»

О боги. Несмотря на всю странность ситуации, Вэл почувствовала, как от слов мальчишки в груди нежно разлилось приятное тепло.

Она нужна ему — этому бездомному воришке, видевшему в ней свою спасительницу, ту, за чьей спиной хочется встать, скрываясь от всех невзгод жестокой реальности.

Вэл прекрасно понимала эти чувства. Только вот...

Будет тяжело. Парнишка особо и не скрывает, что глубоко, по самые уши влюблен.

Она отчетливо видела это в серых, полных с трудом сдерживаемой влаги глазах. И почему же она раньше не замечала этого? Может быть, просто не хотела заострять внимание на очевидном?

Это пройдет со временем, верно?

Или нет.

Когда-то Вэл тоже было четырнадцать, и встретить ее Раза тогда, сомнительно, что между ними завязалось бы что-либо. Но время неизбежно течет вперед, как бурная стремительная река. Пройдут годы, и мальчишка вырастет, но ведь и она станет старше.

Глупости несусветные, но вся ирония была в том, что из-за этих глупостей могли возникнуть ощутимые проблемы.

— А где он сейчас? — Вопрос так некстати выдернул ее из путаных размышлений.

— Кто? — Она моргнула, замечая, как Никс судорожно сжимает пальцами пучок травы.

— Тот человек, который спас тебя.

Вэл помолчала какое-то время, раздумывая над ответом, а затем сказала:

— Далеко отсюда. Мы никогда больше не увидимся, но некоторые его уроки я

запомнила. Так что прекращай так смотреть на меня и просто... будь моим другом. Или младшим братишкой, если желаешь.

От искрящейся искренней улыбки лицо Никса озарилось, и Вэл поразило отразившееся в серых глазах облегчение.

— Ты серьезно, Тень? — с придыханием спросил он, блестящими глазами всматриваясь в ее лицо.

— Вполне, — кивнула Вэл. — Я живу вдвоем с собакой, и, наверное, это не совсем нормально. Да и не выгонять же тебя на улицу. Вор из тебя никудышный, сам знаешь, так что жалко тебя, глупого.

— Эй! — дурачась и изображая обиду, воскликнул Никс.

Вэл улыбнулась, и мальчишка широко улыбнулся ей в ответ.

— Ну-ну, мне вообще удивительно, как ты дожил до встречи со мной.

Никс возмущенно взмахнул руками, мгновенно превращаясь в обыкновенного подростка, каким он и должен был быть в своем возрасте, не укради суровая действительность его детство.

Вэл приподняла подбородок, подставляя лицо солнцу и краем уха слушая недовольное бурчание обиженного мальчишки.

Хотелось верить, что опасные темы исчерпаны и Никс больше никогда не затронет вопрос их отношений. По крайней мере, ближайшие года три-четыре. Если они оба проживут столько, конечно.

— Тень, можно всего один вопрос?

— Валяй. — Она расслабленно вдохнула теплый, пропитанный солнцем воздух.

Мальчишка никогда не называл ее по имени. Не потому, что сам хотел так, а потому что Вэл запретила. Ее прошлое имя — оба имени — принадлежали другому миру.

— Ты сказала, что не можешь любить. Это из-за того человека, да? Который спас тебя?

Боль не заставила себя ждать, прочерчивая кровотокающие линии глубоко внутри.

— Нет, — совладав с собой, ответила она, — тот человек здесь ни при чем.

«Врешь, Валлери, и не краснеешь. Не проще ли сказать правду и быть откровенной перед тем, кого ты совсем недавно в глаза назвала братом?»

Невозможно. В одном она была честна — когда сказала, что не может никого любить.

Верно. Потому что уже любила.

Запах гниющей плоти ворвался в ноздри, и Вэл прижала руку ко рту, с трудом

останавливая рвотные позывы. Она поспешно натянула на нос шейный платок, скрывая лицо, и без того погруженное в тень от капюшона, и на миг остановилась, приводя дыхание в норму.

Отвратительно, но выбора не было. Отодвинув грязную, серую от времени тряпку, служившую дверью в это богами забытое место, Вэл ступила в бесконечно длинное, узкое помещение, больше напоминавшее старую полуразрушенную конюшню, чем лазарет для бедняков и безродных. Медный запах крови и трупная вонь висели в воздухе густо, смердяще, почти ощутимо видимо в тусклом блеклом свете масляных светильников.

Прогнившие соломенные лежаки устилали пол, образуя небольшой проход, по которому торопливо сновали сестры милосердия, одетые все как одна в темные закрытые платья. Их волосы, собранные на затылке в тугие пучки, казались бесцветными, сливаясь с обстановкой этой вонючей дыры. Носы и рты женщин были закрыты черными платками, делающими их лица безучастными, не несущими в себе ни единой эмоции.

Желудок унялся, больше не пытаясь извергнуть свое содержимое.

Вэл, двигаясь медленно, прошла вперед по проходу, с неприязнью рассматривая обитателей лазарета.

Стоны и всхлипы раздавались со всех сторон, словно музыка преисподней. Практически каждый лежак был занят корчащимся в агонии телом.

Вэл видела стариков, сплошь покрытых струпьями, с сочащимся гноем из обширных ран. Видела незадачливых разбойников, лишившихся рук или ног, а если не повезло, то и того и другого сразу. Городская стража хорошо делала свою работу – этого нельзя было не отметить.

Кровоточащие, наспех перевязанные культы были обсижены полчищами мерно жужжащих жирных мух. Наблюдая, как молодой, некогда симпатичный мужчина, кривя рот от боли, прижимает к груди окровавленные обрубки своих рук, лишившихся кистей, Вэл передернуло. Она вспомнила, как бежала по городу, скрываясь от едва не поймавших ее стражников. Не решилась она тогда повернуть к болотам, ее, скорее всего, ждала бы такая же участь.

Она поспешно отвела взгляд и двинулась дальше, перешагивая через проржавевшие, невынесенные судна с испражнениями и кучи грязного, окровавленного тряпья, брошенного прямо в проходе.

Совсем юная сестра милосердия вопросительно посмотрела на нее, но промолчала, уступая путь. Вэл понимала ее удивление. Она, одетая в дорогую одежду, с лицом, скрытым от посторонних, казалась чуждой этому месту. Наверняка она теперь ломает голову, что такой, как Вэл, понадобилось здесь – в вонючей, прогнившей насквозь клоаке для тех, у кого не было лишнего гроша на нормального доктора.

Девушку привела сюда необходимость.

Джанека, выражаясь предельно ясно, приказала разобраться с одним из своих людей, предавшим ее. Мужик явно переоценил свои силы, пытаясь усидеть на двух стульях. Вэл давно догадывалась, что Хромой Пит работает еще и на другую гильдию, но старалась не занимать этим свою голову. Прошло время, и ее догадки подтвердились.

Джанека не прощала предательства, и мужику сильно досталось. Вэл вообще была удивлена, как он не умер сразу, избитый тяжелыми сапогами разбойников.

А потом Хромой Пит сбежал. И, судя по слухам, теперь находился где-то здесь, в этом вонючем котле, в котором варились в равных пропорциях надежда, боль и отчаяние.

От Вэл требовалось малое: найти мужика и завершить начатое.

Шаг за шагом она продвигалась вглубь лазарета, всматриваясь в лица, корчащиеся от боли. Мужчины, женщины, старики. Даже дети.

Сердце оказалось слепым и глухим к чужим страданиям. Вэл не трогали картины боли и агонии. Она не спрашивала себя, хорошо это или плохо, ей было все равно. У нее была цель, и чем раньше она закончит свое дело, тем быстрее выйдет из смердящего мрака.

Мертвенно-серое лицо, выхваченное из вереницы кривящихся ртов, заставило ее резко остановиться. Она замерла, повернув голову, и широко распахнутыми глазами рассматривала лежащую на грязной соломе исхудавшую пожилую женщину.

Вэл мгновенно потерялась во времени, не замечая ничего вокруг. Она видела только одно лицо из грязной массы человеческих тел вокруг. Худая тщедушная фигура под ворохом рваной, заношенной одежды. Платье.

Дырявые обноски когда-то были платьем. Вэл не сказала бы, какого оно было цвета, настолько истлевшей и грязной была ткань.

Просто проглотила возникший в горле ком и медленно подошла к женщине. Глаза той, водянистые, мутные, смотрели вокруг, вряд ли что-то замечая. Сухие потрескавшиеся губы неслышно шептали, обращаясь к невидимым слушателям.

Руки, тонкие и бледные, лежали вдоль тела без движения. Кисти с черными поломанными ногтями были похожи на птичьи лапы.

Вэл, чувствуя, как сердце убыстряет свой ход, разливая в груди тупую тихую боль, присела на одно колено рядом с лежаком и замерла, смотря на тусклые спутанные волосы женщины. Когда-то они были блестящие, густые, темные. Лоснящиеся от дорогих масел.

Мадам всегда щепетильно относилась к своей внешности. Говорила, что это товар, который надо успеть выгодно продать до тех пор, пока время не украдет его. Вэл помнила, как в бордель заходили торговцы с ящиками, полными причудливых баночек и флакончиков из цветного стекла. Они рассказывали о волшебных кремах, делающих кожу ровной и гладкой, как у младенца. Мадам, в окружении своих девок, налетающих на товар, будто яркие птицы на зерно, всегда покупала себе небольшие, но самые дорогие бутылочки с вкусно пахнущими средствами.

Вэл помнила ее красивой, с большой пышной грудью в вырезе красного платья.

А теперь она лежала перед ней сухая, истлевшая, не похожая на саму себя.

Вэл осторожно, несмело протянула руку, затянутую в перчатку с отрезанными

пальцами, и дотронулась до сухой, шелушащейся на запястье кожи женщины. Та вряд ли почувствовала прикосновение, не меняясь в лице и все так же смотря невидящим взглядом перед собой.

— Мадам, — тихо позвала Вэл, чувствуя першение в горле. — Мадам, вы слышите меня?

Но Мадам не слышала.

Вэл видела гнойные язвочки в уголках ее рта и тонкую корку крови на подбородке.

— Мадам... — чуть слышно шепнула Вэл.

Дрожащая рука поднялась и коснулась редких седых волос.

Женщина никогда не была ей матерью. Вэл смутно помнила, как однажды назвала ее этим драгоценным словом «мама», но та разозлилась и запретила обращаться к ней так.

Вэл не была обижена на нее. Она не злилась на то, что Мадам, потеряв все, что имела, с легкостью отказалась от маленькой девочки, вышвырнув ее на улицу как ненужную собачонку. Девушка была благодарна Мадам за то, что та успела ей дать, за те годы, что она провела в ее борделе, за то, кем она стала благодаря ей.

Кем же?

Пальцы гладили грязные волосы, похожие на спутанное птичье гнездо, и Вэл, не в силах отвести взгляд от своего прошлого, просто стояла на одном колене перед умирающей женщиной, чувствуя, как рушится внутри нее осколками стеклянный купол, которым она так тщательно закрывала свои эмоции все это время.

Боль, протягивая когтистые лапы, вырвалась из своего плена, окутывая цепкими длинными пальцами. Она кусала, жалила, рвала на части, упиваясь своей властью.

— Миледи... — Хриплый надтреснутый голос заставил Вэл вздрогнуть, вскидывая голову.

Она приоткрыла губы, втягивая воздух, пытаясь привести бешено скачущее сердце в относительное спокойствие.

Мадам смотрела на нее, слепо шурясь, пытаясь сквозь мутную пелену, покрывающую старческие глаза, разглядеть ее лицо.

Рука потянулась к шейному платку, стягивая его вниз. Вэл замерла, а затем медленно опустила капюшон, открывая лицо тусклому свету масляных светильников.

Пряди на висках были заплетены в тонкие косы, вместе с длинными волосами стянуты в хвост кожаным шнурком — единственное украшение прически, которое Вэл допускала.

Женщина молча изучала ее, мутный взгляд скользил по ее фигуре, незримо ощупывая и поглаживая, и сердце Вэл окатилось огнем, когда искра узнавания мелькнула в тусклых глазах.

– Малышка... Вэл? – пораженно прошептала женщина, и та, не сдержавшись, крепко зажмурилась, чувствуя, как непрошеные ядовитые слезы стекают по щекам.

Она поспешно вытерла глаза ладонью, и широкая искренняя улыбка, та самая, которая всегда была ее оружием, привычно появилась на лице.

– Это я, Мадам, я, – ответила она, хватаясь за худую ладонь женщины. Мадам моргнула, прогоняя влагу, скопившуюся в уголке глаза.

Вэл протянула руку и аккуратно вытерла мокрую дорожку, которую одинокая слезинка оставила на худой щеке.

– Ты... так изменилась, – пальцы женщины сжались, чуть ощутимо стискивая ладонь девушки, – такая... красивая.

Вэл дернула ртом, с трудом сдерживая неуместные рыдания. Хотелось исчезнуть, лишь бы не видеть эту едва живую женщину, которую она помнила иной – живой, пышущей здоровьем.

Лошадка. Мадам подарила ей лошадку.

А еще только для нее покупала на рынке самую крупную сладкую вишню.

– Я... могу найти доктора! – горячо воскликнула Вэл, суетливо оглядываясь в поисках сестры милосердия. Она могла помочь старой женщине, должна была вытащить ее из этой клоаки. – У меня есть деньги. Мы найдем лучшего...

– Малышка... – Тонкий, чуть слышный голос заставил ее замолчать. Вэл мелко задрожала всем телом, увидев в лице Мадам то, в чем не хотела признаваться самой себе.

Ей не помочь. Время упущено. Женщина, лежащая на вшивом соломенном тюфяке, умирала.

И в подтверждение ее мыслей Мадам закашлялась. Вэл отшатнулась, в немом ужасе наблюдая за струйкой крови, скользнувшей из уголка ее рта вниз. Кровавые пузыри лопнули на пересохших губах.

Вэл молчала, не находя слов. Сердце стучало в груди, боль беспощадно рвала изнутри, наращивая силу.

– Я рада... что ты... – Женщина слабо улыбнулась онемевшей девушке. – Думала... ты умерла. А ты... вон какая.

«Она видит меня охотницей или стражницей, богатой и успешной, – осознала Вэл с горечью. – Может быть, даже счастливой. Ей говорят об этом чистые волосы, гладкая кожа и дорогая одежда».

Сплошная ложь. Маска, которую она купила слишком дорогой ценой.

– Не тратьте силы, тише. – Вэл ласково погладила впалую щеку, склоняя голову.

Она прикрыла веки, делая глубокий вдох и замирая. Несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Несколько мгновений, чтобы собрать себя, разбитую, в единое целое.

Вэл не хотела, чтобы Мадам увидела правду в ее глазах.

– Я искала тебя... – проговорила женщина, со свистом втягивая воздух, – искала. А ты пропала... умерла, я думала. Прости, что так получилось, малышка...

Вэл больше не скрывала слез. Не могла. Они текли по ее щекам, прячась в складках шейного платка.

– Не плачь, – голос Мадам затихал, теряя силу, – я всегда знала, что ты... вырвешься... изменишь все.

Вэл подняла глаза, встречая ее мягкий взгляд.

– Но я ничего не изменила, – сказала она тихо.

Признание вывернуло душу наизнанку, разорвало ее на мелкие лоскуты и выбросило прочь.

Мадам молчала, не отрывая взгляда от бледного лица.

Вэл держала ее ладонь дрожащей рукой и не могла произнести ни слова. Она не знала, что женщина видит в ее глазах, поняла ли она на самом деле, кто перед ней и как низко пала, ее приласканная много лет назад сиротка.

Даже не шлюха. Много, много грязнее.

Отчасти Вэл хотелось, чтобы Мадам знала. Она не хотела притворяться перед ней той, кем не являлась.

Не сейчас, не здесь, не тогда, когда Мадам умирала в этом гнилом месте.

Они встретились спустя так много лет... Не для того, чтобы Вэл играла чужую роль.

А для чего же?

– Я... – наконец сказала женщина, нарушая молчание, – не хочу умирать в одиночестве.

– Я заберу вас отсюда, – твердо сказала Вэл, сжимая ее ладонь, – я не оставлю вас.

– Нет, малышка, не нужно... – И снова кашель сотряс тщедушное тело.

Грудная клетка Мадам опускалась и поднималась со свистящим, неприятным уху звуком. Когда приступ стих, Вэл с волнением увидела новую струйку алой крови, куда более обильную, чем прежде.

– Помоги мне, – шепнула женщина, ловя взгляд голубых ошарашенных глаз, – я знаю... ты можешь.

– О чем вы? – растерянно спросила Вэл, неуверенно сглатывая.

– Ты... знаешь. – Взгляд Мадам, на краткое, чуть уловимое мгновение став прежним –

цепким, умным, сильным, — переместился вниз.

Вэл опустила голову, рассматривая рукоять своего кинжала, висящего на поясе в кожаных ножнах.

Мадам не просила доктора. Она не просила забрать ее отсюда. Вэл все поняла по ее взгляду, а Мадам все поняла по ее лицу.

Вэл действительно могла.

Мадам прочитала ее, невзирая на все маски, что она носила. Мадам поняла, кто она и на что способна.

Кто еще, если не женщина, младенцем державшая ее на руках?

И тогда боль ушла, а слезы высохли.

Вэл, ощущая бездонную черную пропасть в груди, низко наклонилась, касаясь губами холодного лба женщины. Свободная рука легла на рукоять кинжала, медленно вытаскивая его из ножен.

Мадам только слабо вздохнула, когда острое лезвие вошло точно между ребер, в самое сердце. Грудная клетка тяжело опустилась и больше не поднялась.

Вэл отстранилась, заученным движением убирая клинок. Губы ее все еще хранили ощущение чужой кожи.

Она чуть склонила голову, в последний раз глядя в знакомое лицо. Ладонь легла на сухие веки, закрывая их.

Удивительно, как смерть преображает. Лицо Мадам казалось спокойным, будто она заснула здоровым безмятежным сном.

Пальцы нежно дотронулись до седых волос, провели линию вниз по щеке, коснулись подбородка, стирая следы крови.

— Миледи? Все в порядке? — Молоденькая сестра милосердия, сложив руки на подоле темного платья, участливо смотрела на Вэл.

Точно вынырнув из глубин темного озера, она повернула к ней голову:

— Эта женщина умерла. Позаботьтесь о ее теле. — Вэл поднялась с колен, попутно доставая из кармана кожаный кошель. — Она не заслужила такой смерти, так пусть хотя бы найдет свое упокоение не с ворами и преступниками.

Глаза девушки изумленно распахнулись, когда Вэл опустила в ее ладонь золотые монеты.

— Надеюсь на вашу честность. Похороните эту женщину не за оградой.

И двинулась вперед по проходу, когда голос девушки заставил ее остановиться:

— Но как ее имя? Что написать на доске?

– Не знаю. Что хотите, – не оборачиваясь, ответила Вэл, продолжая свой путь.

У нее еще были невыполненные дела в этом рассаднике грязи и боли.

ГЛАВА 3

Привычный мир разлетелся на осколки.

Первой мыслью Вэл было нечто невразумительное и невнятное, набор невысказанных символов и переплетений эмоций.

Когда сердце, сдавленное и очумелое, в очередной раз ударило, отдавая болью, она встрепенулась, моргнула и глубоко вдохнула.

Что за?..

– Я купил два! – Подскочивший Никс протянул ей присыпанный сахарной пудрой рогалик. – Держи!

Вэл перевела взгляд на мальчишку, рассматривая его широко распахнутыми потемневшими глазами, будто впервые видя.

– Ты чего, Тень? – растерянно спросил Никс, заглядывая в ее побледневшее лицо.

Вместо ответа Вэл подняла голову, всматриваясь в знакомый силуэт. Рыночная площадь, по случаю выходного дня практически битком забитая покупателями, галдела и привычно жила своей торопливой и суетливой жизнью. Лаяли брехливые собаки, перекрикивались лавочники, громко ругались старушки в кружевных чепцах, сетуя на плохой товар и недобросовестность продавцов, и мир казался совершенно привычным.

Если бы не одна незначительная деталь, никак не вписывающаяся в окружающую реальность.

Никс проследил за взглядом Вэл и вопросительно посмотрел в растерянное лицо.

– Тень, ау! – Мальчишка махнул в воздухе рогаликом. – Ты привидение увидела, что ли?

– Почти, – рассеянно ответила Вэл, делая шаг вперед.

Легко лавируя между спешащими по своим делам горожанами, она уверенно продвигалась к своей цели.

До того самого момента, как ее рука легла на широкое плечо, как пальцы почувствовали толстую ткань коричневой куртки, она так и не верила до конца в то, что видела.

– Че надо? – Зефф огрызнулся, оборачиваясь и впиваясь взглядом в бледное лицо.

Какой-то краткий миг он ощупывал глазами стоящую перед ним девушку, а потом его рот растянулся в изумленной гримасе.

– Валлери? – громогласно пророкотал он, хватая Вэл двумя руками за плечи и хорошенько встряхивая. – Это ты?!

– Это я, – оторопело пробормотала Вэл, чувствуя себя не на своем месте. Ладони Зеффа на плечах казались чем-то инородным, ненастоящим.

Сумасшествие какое-то.

Всего этого просто не могло быть. Просто потому, что не могло, и все.

– Малая! Это ты! – Зефф хохотнул и решительно притянул ее к себе, тяжело хлопая по спине.

Вэл ошеломленно молчала, ощущая себя сделанной из ваты.

– Ты че тут вообще делаешь? – Нисколько не изменившийся за минувшие почти полтора года бородач наконец отпустил девушку и громко ухнул, упирая руки в бока и с прищуром рассматривая ее, потерявшуюся в своих чувствах.

Вопрос застал Вэл врасплох. Все происходящее было похоже на странный сон, который все тянулся и тянулся и никак не хотел заканчиваться.

– Это я что здесь делаю? – Вэл удивленно приподняла брови, с трудом собирая в себе силы для какого-либо внятного ответа. – Это ты что тут делаешь?

– Я? Да как же – вот сбрую покупаю, – с хитрецей произнес Зефф, в доказательство своих слов кивая на стоявшую неподалеку конюшню. – А ты что здесь забыла? Все думали, вы со своим дружком подались в путешествие по вашим землям. Уж никак не ожидал тебя увидеть в этом городе.

Вэл нервно улыбнулась.

Дружок? Зефф говорит о Шейне?

Упоминание светловолосого волка острой иглой пронзило сердце.

Никто не знал, что его больше нет. Никто, кроме нее.

– Я живу здесь. Это же мой родной город.

Зефф широко улыбался, рассматривая Вэл с нескрываемым интересом, но, несмотря на выражавшую его лицо радость, она видела в бородаче что-то еще тревожное, словно он был не до конца искренен.

Еще бы.

Перед Зеффом стояла самая что ни есть настоящая предательница. Она оставила своего Первого, сбежала с любовником, предала жоака и стаю.

Стоило ли сетовать на судьбу? Зефф имел полное право прямо сейчас свернуть ей шею.

Но бородач лишь изобразил сильное удивление:

– Серьезно? С ума сойти! Думал, все, сгинула ты в любовной паутине. Обалдеть! Вот наши удивятся, когда я им скажу, что ты только до города и добралась!

Любовная паутина.

Из уст Зеффа звучало почти насмешкой. Только сам шутник и не предполагал, насколько был близок к истине.

Вэл действительно сгинула, только паутина была совсем не такая расписная, какой могла казаться со стороны.

Никс, замерший в недоумении рядом, нерешительно тронул ее за рукав рубахи:

– Тень... нам...

Острый взгляд Зеффа мгновенно переметнулся на мальчишку.

– А это кто у нас такой? Какой хорошенький! – Он протянул руку и потрепал обалдевшего от происходящего Никса за щеку. – Сынок, что ли? Да шучу-шучу! Дружок твой?

Мальчишка, пунцовый от стыда, зашипел, как кошка, и шарахнулся в сторону, вставая за плечо Вэл. Она, ощущая, как мир стальным обручем стискивает голову, не обратила на происходящее никакого внимания.

Ее занимало иное. В груди тревожно щемило, знакомые ядовитые клыки то и дело норовили вонзиться в обеспокоенную душу.

– Дружок, да. Вроде того, – рассеянно ответила она. – Зефф, послушай, а ты... один здесь?

Ну вот, спросила.

Всего секунда до ответа, показавшаяся вечностью. Сомнительно, что от прищуренного взгляда Зеффа укрылось с трудом скрываемое волнение.

– Ага, один, – протянул он, посмеиваясь в бороду. – Правда, Кара на границе ждет меня. Но сегодня ему придется поволноваться. Идем же, Валлери. – Пальцы Зеффа сомкнулись на предплечье Вэл. – Говори, где у вас тут приличная таверна! Надо выпить за встречу!

И, не дожидаясь ответа, бородач потянул ее за собой.

Никс растерянно захлопал серыми глазами, поспешно окликая Вэл:

– Тень...

Она, чувствуя себя немного не в себе, едва замечая мальчишку, вскользь кинула

ему через плечо:

– Иди домой, Никс. Выгуляй Раша. Купи себе что хочешь.

Никс, переводя полный непонимания взгляд с Вэл на бородача, попытался было возразить, но она, на мгновение придя в себя, грубо прервала его:

– Ты слышал, что я сказала.

Никс замер на месте, опустив плечи и крепко сжимая в руках забытые рогалики.

– Хорошо, Тень, – смиренно пробормотал он.

Зефф насмешливо фыркнул, хлопая Вэл по плечу:

– Что? Я не расслышал. Как он тебя называет? Тень-хрень? Это что значит?

– Потом расскажу, – несмело улыбнулась Вэл.

Если бы.

Рассказывать о своей новой жизни она не собиралась.

Ни сейчас, ни потом.

Запах алкоголя ударил в нос сразу, как только они вошли в таверну.

Вэл поморщилась и брезгливо покосилась на валяющегося под одним из замызганных столов городского стражника. Мужик, раскинув ноги и являя миру свои мокрые штаны, оглашал таверну громогласным храпом. Девушка невольно задумалась о том, что сделал бы с ним Раза, увидев в таком виде. Уж по голове бы не погладил.

Громкий женский смех и сочные звуки шлепков раздались из угла. Вэл повернула голову, рассматривая компанию уже порядком набравшихся наемников, тискающих в похотливом пьяном угаре дешевых уличных шлюх.

– Может, поищем другое место? – предложила она, но Зефф пропустил ее слова мимо ушей, устраиваясь за одним из столов.

Вэл вздохнула, садясь напротив него. Никак эта вонючая дыра не была похожа на приличную таверну, как хотел Зефф. Правда, самого бородача это, судя по всему, совсем не смущало.

Женщина в темном платье и сером несвежем переднике, возникшая рядом с их столом, показалась уставшей от всего на свете: от выпивох на соседних лавках, от грязных потасканных шлюх, визгливо смеющихся над тупыми шутками облапывающих их мужчин, от самой жизни.

– Два! Нет – четыре пива! – скомандовал Зефф, и женщина молча удалилась, даже не предложив никаких закусок.

Оно и к лучшему. Есть в этом заведении Вэл бы побоялась.

– Ну что, валяй, рассказывай! Как живешь? – Бородач положил руки на стол и сцепил пальцы. – Как тебе со своим дружком-то, все сладилось? Мы уж, когда узнали, что ты сбежала, честно тебе скажу, охренели. Дозор рассказал, что ты им наплела. Не ожидал от тебя, признаюсь. Но не осуждаю! Любовь дело тонкое, а у нас вам бы жизни, конечно, не было.

Вэл сглотнула возникший в горле ком. Пульсирующая боль в голове, неясная всего мгновение назад, вдруг оформилась, разрослась, пуская корни и расцветая.

– Значит, все думают, что я ушла из-за Шейна? – осторожно спросила она.

Вэл не до конца понимала, стоит ли вообще разговаривать с Зеффом на эту тему. Не понимала его отношение ко всему происходящему. Улыбка бородача могла лгать, а веселость от их встречи быть напускной.

В глубине души Вэл была уверена, что Зефф желал ей добра, но стая всегда верна своему вожаку, не так ли?

– В смысле? – Бородач с непониманием посмотрел на Вэл.

Рискнуть? Откинуть опасения и быть откровенной? Да какая уже разница.

– Все было не так.

– А как? Ты о чем вообще?

Вэл колебалась, чувствуя на себе пристальный взгляд Зеффа.

– Это сложно... я не уверена, что стоит говорить...

Бородач откинулся на спинку крепкого деревянного стула и сложил руки на мощной груди.

– Ну, как знаешь. Только, конечно, удивительно. Вот до сих пор не пойму, когда тебя на волка повело? Я был уверен, что ты от Раза под страхом смерти не отлипнешь. Ан нет. Удивила.

Вэл чувствовала его настороженность и что-то такое, что было сложно описать словами. Разочарование, возможно?

Голова заболела сильнее, и она, поморщившись, потерла висок пальцами.

– Зефф, Раза тоже... уверен, что все так и было? – осторожно поинтересовалась, поглядывая за реакцией бородача.

Зефф хмыкнул, смотря с немым упреком.

– Малая, ты странная какая-то. Либо уж говори как есть, либо молчи.

– Он, наверное, был очень зол на меня...

Подошедшая женщина с серым лицом молча покосилась на хрипло засмеявшегося мужчину и поставила на стол большие деревянные кружки с пивом.

– Зол? Не совсем то слово, конечно. – Зефф усмехнулся, покачивая головой. – Он был в ярости. Правда, мало кто об этом догадывался. Это же какой позор – у самого капитана Вторая с любовником сбежала! Да еще и с предателем! Мы, скажу по правде, думали, он за тобой ребят своих пошлет, так сказать, чтобы... ну, сама понимаешь. Но обошлось. Отпустил он тебя, позволил жить. Так что радуйтесь с волком – все быльем поросло.

Вэл закусила губу и низко опустила голову, прикасаясь кончиками пальцев ко лбу. В голове било набатом. Боль показала себя в полной мере, стуча в висках и мешая нормально соображать.

– Мы с Шейном не были любовниками. – Вэл протянула руку и взяла кружку.

Пиво оказалось кислым на вкус, но она в пару глотков осушила полную кружку.

Сегодня можно себе это позволить.

Зефф одобрительно крякнул и последовал ее примеру.

– Не понял... – Бородач вытер губы тыльной стороной ладони.

– Он, возможно, и хотел быть со мной. Я позволила ему думать, что он мне нужен, но лишь потому, что через него я могла узнать все о сговоре волков. Вемир знал обо всем, я рассказала ему.

Вэл задумчиво посмотрела на вторую пивную кружку.

Сколько же она не пила? Год? Больше?

Удивительно, почему, вернувшись, она так и не пристрастилась к выпивке, хотя это был самый простой путь забыться.

Видимо, нашла способ лучше.

Выпивка со всей своей пьянящей прелестью меркла перед чувством удовлетворения от погружения в грязь, которая манила ее сильнее прочего.

– Хм... да, слышал об этом. – Зефф нахмурился и задумчиво спросил: – Ну и зачем тогда вы сбежали?

– Раза убил бы Шейна. Я не могла допустить этого. Это было нечестно по отношению к нему. – Перед глазами Вэл мелькнули светлые волосы и яркие синие глаза. И роза, красная, как кровь. – Он... был моим другом, понимаешь?

– Не понимаю. Разве же кто заставлял волка идти против Раза? А ты, получается, оставила все и сбежала в свой город. Ради друга, который хотел убить твоего Первого?

Нещадно чадаящая свеча на глиняной подставке зашипела и погасла.

Зефф вздохнул и отодвинул ее на край стола.

– Да. – Вэл не знала, что еще сказать.

Нужных слов не находилось. Она прекрасно понимала – Зефф был другой. И Раза был другой. И весь город за горами отличался от той реальности, в которой воспитывалась и выживала Вэл большую часть своей жизни.

Для них, людей, уживающихся со своей звериной сущностью, было невероятно слышать подобное. В том мире, сложном и суровом, оставить своего Первого ради невнятной дружбы (а разве то, что было между девушкой и волком, – это была дружба?) значило предать.

Вэл не надеялась на понимание Зеффа. Теперь, по прошествии времени, она и сама себя не понимала.

Куда уж тогда оборотню понять невразумительные и путанные мотивы поступков человека!

– Ну, надеюсь, оно того стоило. Потому что мы вот до сих пор расхлебываем, – грубовато проговорил Зефф, прикладываясь к пивной кружке.

– О чем ты? – Вэл с непониманием глянула на него.

Расхлебывают? Что могло произойти со стаей Раза после ее исчезновения? Правильно, ничего особенного, потому что их это не касалось.

– Да ни о чем, Валлери, – как ни в чем не бывало отмахнулся Зефф. – Ты лучше расскажи, как живешь, чем занимаешься. Как там Шейн, привык к вашей обстановке? Не представляю, каково ему жить среди людей. Уж не обессудь, но больно вонючий у вас городок.

Вэл взяла в руки вторую кружку, поднесла ее ко рту и сделала большой глоток.

Может быть, если напиться, головная боль утихнет. Хотя бы на время. До утра.

Она хмыкнула и подняла на бородача голубые глаза:

– Зефф, мы не дошли до города. Кое-что случилось, и...

– Случилось? О чем это ты?

Слова вырвались легко, будто только того и ждали.

– Шейн погиб.

Еще глоток. И еще. Удивительно, но пиво больше не казалось кислым. Вполне себе сносное.

Зефф надолго замолчал, меряя ее взглядом. Она видела растерянность в его потемневших глазах.

Не ожидал? Еще бы. Наверняка думал, что волк живет себе припеваючи среди людей, ходит утром на службу, может, работает в городской страже, где всегда пригодились бы сильные парни. А вечерами пьет горячий чай, а затем, счастливый, делит постель с любимой, которую забрал у великого и непобедимого Раза.

Так казалось Зеффу? Теперь Вэл была уверена, что так казалось всем, кто знал эту историю.

– Ты серьезно? – наконец произнес бородач каким-то странно опустошенным голосом.

– Да. – Вэл не видела нужды раскрывать подробности.

Они никого не касались. Что было – то прошло. Мертвому Шейну в любом случае было безразлично.

– И мне, видимо, не стоит спрашивать, что именно случилось? – серьезным тоном спросил Зефф, глубоко вдыхая.

– Нет, – отрезала Вэл, смотря прямо ему в глаза.

«Это моя вина, – хотела сказать она, – только моя. Я виновата в его смерти. Не Раза, а только я. Волк был честен со мной, а я обманывала его, играла его чувствами. Если бы я только могла все исправить, я бы никогда не поступила с ним так. Я бы сделала все, чтобы он жил. Стоило хотя бы поговорить с Раза, убедить его сохранить Шейну жизнь. Это же Раза, ради меня он переступил бы через гордость и свою силу, правда? Но правду больше не узнать. Никогда».

Молчание повисло над столом, тяжелое и практически ощутимое на ощупь. Вэл выпрямила спину, вздохнула, повела плечами, разминая затекшую шею.

Игра не стоит свеч. Шейна не вернуть, а совсем скоро и черный баргест станет лишь далеким воспоминанием с привкусом горечи.

Она опрокинула в себя остатки пива и со стуком поставила кружку на выщербленную поверхность стола.

– Зефф, расскажи мне о Раза.

Бородач удивленно приподнял мохнатые брови. Помолчал, а затем усмехнулся и, поискав глазами подавальщицу, жестом указал ей на пустые пивные кружки.

– О, а я все гадал, решишься ты спросить или нет. – Довольная ухмылка появилась на его лице.

Вэл пожала плечами и ровно поинтересовалась:

– С ним все хорошо?

– А то! – фыркнул бородач. – Лучше некуда. Но ты, наверное, хочешь знать, что было после того, как ты исчезла и все узнали о твоём побеге? Я уже говорил, он был очень зол. Страшно было ему на глаза показываться, если честно. Да сама представь, что о нём говорили в городе.

Получив заветную кружку с пенистым пивом, Вэл с наслаждением пригубила холодный напиток.

Ох, и зря она не пила раньше. Головная боль утихла, съезжившись до размеров пульсирующей точки где-то глубоко, а грызущий изнутри зверь с острыми когтями наконец заткнул свою пасть.

Пусть и ненадолго, но Вэл чувствовала себя спокойно и даже не боялась услышать заветное имя без щемящей боли в груди.

— О чем ты?

— Как о чем? Мозгами-то пораскинь, Валлери! — с чувством воскликнул Зефф, укоризненно поглядывая на нее. — Волков тех Раза вырезал, а один-таки обхитрил его, забрал у него его Вторую. Ситуация курам на смех. Обсуждали все кому не лень. Это что же получается — слаб наш капитан? Знаешь, сколько ему вызовов бросали в первое время? Не затем, чтобы должность его занять — кому оно надо с такой-то ответственностью! — а затем, чтобы на место поставить. Полно мудаков, сама знаешь.

Вэл замерла, внимая бородачу.

Нет, все же мало она выпила, чтобы беспристрастно слушать подобное. Зверь внутри широко раскрыл зубастую пасть, намереваясь укусить. Глубоко и кроваво.

— А... он? — ощущая, как пересохло в горле, выдавила из себя она.

— А он что? Порвал несколько глоток, да и дело с концом, — пожал плечами Зефф и потянулся за свежим пивом, — но тяжело было, конечно. Тебя лишился, да еще мудаچه из всех щелей лезет. Один раз, правда, чуть не прикончили его.

Сердце перевернулось в груди и провалилось в темную беспроглядную глубину.

— Что?

— Да вот то! — Зефф нахмурился и продолжил, не забывая промачивать горло. — Был там один, из волков. Других, конечно. Но, видимо, задела его вся эта кутерьма с братьями. Сильный, как медведь, а не волк, скажу тебе. Очень уж ему хотелось Раза на место поставить. Думал, теперь-то получится. Шавкой его звал, даже заплатил дворовым мальчишкам, чтобы те по городу листки расклеили с оскорблениями.

— И? Что же Ра? — с не присущим ей нетерпением спросила Вэл.

Зефф вздохнул и покачал головой:

— А что Ра? Убил его да на площади отрезанную голову в толпу кинул, а тело собакам скормил. Чтоб остальным неповадно было его шавкой называть. Да, так и сказал тогда, чтоб все его слышали.

Вэл обессиленно прислонилась к спинке стула. Зверь внутри сомкнул челюсти, причиняя с трудом терпимую боль.

— Что глаза вылупила, Валлери? — невесело осклабился Зефф. — Да, Ра у нас теперь такой. У него, знаешь, каждый раз крышу рвет, когда ты куда-то деваешься. Думаю, не один я заметил. Благо это был последний раз. Попривыкли мы уже. Мразь всякая обратно в свои щели забилась, никто из них к нему и близко по доброй воле не приближается. Ну а в остальном все хорошо у него. Да и ты, смотрю, неплохо устроилась.

Вэл было что возразить на последнее утверждение бородача, но она благоразумно промолчала. Не стоило сотрясать воздух ненужными словами и жаловаться на свою несчастную долю. Зефф выразился предельно ясно – она порядком испортила Раза жизнь своим поступком. Это было даже не предательство, это было что-то гораздо хуже.

Вина, густо приправленная чувством стыда, поглотила ее.

Она подвела своего Первого.

Жужжащий осиный рой заполнил голову, путая мысли.

А ведь когда-то она обещала быть рядом.

– Мне нужна та, кому я могу безраздельно доверять. Во всем.

– Я никогда не предаю тебя.

Как же. Не предаст она.

Она разрушила все, что было между ними. Она подвела Раза. Поддалась собственным страхам и слабостям и, вместо того, чтобы решить проблемы, просто сбежала от них.

И все это стоило бы хоть чего-либо, убереги она Шейна.

Но она не смогла и этого.

Скажи она тогда, в лесу, когда волк стоял напротив нее и смотрел в ее глаза, слова о любви... пусть лживые, пусть те, что Шейн хотел от нее услышать...

Вэл гнала прочь мучающие, изводящие ее мысли о том, как все могло бы сложиться.

Шейн бы понял. Со временем он бы принял ложь во спасение.

Слишком поздно пришло понимание.

Зефф, некоторое время молча наблюдавший за ней, задумчиво сказал:

– Хм, только вдвойне интересно как-то. Ты, получается, и Первого лишилась, и друга своего драгоценного. Почему ты не вернулась? Уверен, Ра простил бы тебя.

Вэл не могла больше слышать это имя. Она подняла потускневшие глаза и обессиленно проговорила:

– Это сложно объяснить. Давай... закроем тему, ладно?

– Ну, как скажешь. – Зефф прищурил веки и глотнул из кружки.

Она с трудом попыталась собрать себя из разрозненных осколков в нечто вразумительное, нацепила на лицо довольно паршивую неестественную улыбку и спросила:

– Лучше скажи, что ты здесь делаешь? Удивительно видеть тебя у нас. Разве

оборотням есть дело до простых смертных?

Зефф смиловился над Вэл, улыбаясь в бороду и с легкостью поддерживая разговор на безопасную тему.

— Конечно нет! Только выбора тоже нет — выполняем, грубо говоря, служебный долг. Если скажу, смеяться будешь.

Несмотря на бушевавшую в душе бурю, Вэл заинтересованно подняла голову.

— Ты попробуй.

— Да вот... смешно, честное слово. — Зефф вздохнул и постучал пальцами по столу. — Мастер у вас в городе есть по золоту. Как-то уж так получилось, что украшения у него необычные выходят. В общем, девица одна... она Вторая... одного влиятельного горожанина, так сказать. И захотелось ей браслет себе особенный. Дурь, конечно, а толку-то? Вот я и здесь.

— Браслет? И ты здесь ради браслета? — Вэл изумленно вытаращилась на бородача, стараясь не вспоминать о витиеватой цепочке, украшающей собственное запястье. — И кто же позволил вам отвлекаться от дозора ради богатой девицы? Это же какой путь вы проделали!

— Не спрашивай лучше, — отмахнулся Зефф, недовольно разглядывая почти опустевшую деревянную кружку, — да выбора у нас особо не было. Но зато я тебя встретил! Разве не хорошая новость? Когда я нашим расскажу все, что узнал, — их удар хватит!

Вэл улынулась, чувствуя тепло к этому суровому, грубоватому, но неизменно остающемуся самим собой мужчине.

— Я рада тебя видеть, Зефф, — мягко сказала Вэл.

Бородач довольно хмыкнул.

— И я тебя, Валлери. Ну что, может, ты мне расскажешь, чем живешь? Смотрю, одета с иголочки, только вид у тебя какой-то мрачный. Плащ... э-э... суровый. Кинжал, вижу, носишь. Конечно, я не ожидал, что ты обабишься, но...

Вэл нахмурилась, и Зефф хмыкнул, продолжая:

— И пацаненок этот — прислуживает тебе, что ли? Или ты теперь по молоденьким мальчикам?

— Ты о Никсе? Я тебя разочарую, но он просто живет у меня. — От елейного подмигивания Зеффа ей стало тошно. — Я его, можно сказать, подобрала с улицы, а теперь выгнать рука не поднимается. Хороший парень, мне с ним легко. Да и дома всегда порядок.

— Ага, что-то мне это напоминает, — хохотнул бородач и шумно ударил ладонью по столу. — Да ты от темы-то не уходи, рассказывай, как жизнь свою устроила?

В другом углу таверны завизжала девица. Вэл глянула через плечо, наблюдая, как пьяный наемник задирает грязные юбки смазливой молоденькой шлюхе. Девка

притворно визжала, а сама ерзала по его коленям.

– Нормально, Зефф. Как и все – потихоньку, – с легким чувством омерзения от увиденного ответила Вэл. – Где-то продам, где-то куплю. Охочусь.

Ложь вырвалась легко, естественно, будто была истиной. Вэл даже не почувствовала укола совести.

– Молодец, девица! Вышел-таки из тебя толк, – удовлетворенно крикнул Зефф. – Волосы, смотрю, украшаешь. Вон косички какие заплела. Только чего в хвосте носишь? Мешают охотиться, что ли?

Она могла бы рассказать Зеффу, с каким трудом сдерживалась от того, чтобы одним взмахом острого лезвия не лишиться себя длинных прядей. О том, как не раз смывала кровь, попавшую на кожу и волосы, рассматривая мутнеющую воду в тазу. О том, как однажды один из тех, от кого ей следовало избавиться, схватил ее за волосы, намотал их на руку и швырнул на пол лицом, разбив зубы, и только волею счастливого случая она смогла извернуться и клинком полоснуть по его ноге.

Вэл могла многое рассказать бородачу, но просто молчала.

– Все же ты красавица. Как там у вас говорят? А, вот – девица на выданье. Или желающих на твой характер не нашлось? Ребеночка-то родить разве не хочешь? Пора тебе завязывать с ножичками играть, а?

Вэл вспыхнула, чувствуя себя глупо. Очень глупо.

Даже боли не осталось, и туманного алого следа ее не виделось.

За все время, прошедшее с возвращения в город, у Вэл даже краткой мысли не возникало о том, чтобы начать с кем-либо отношения.

Да и о детях она давно забыла, смирившись с тем, что их у нее никогда не будет. Не в этой жизни, не в этой реальности, не в ее бесплодном чреве.

Следовало бы обратиться к травнице или лекарю, но Вэл была уверена, что это будет зря потраченное время.

И даже если на краткий миг допустить... всего на одну секунду представить, что она могла бы...

Какая ей семья с ее-то жизнью? Какой мужчина захочет связать с ней свою судьбу? Правильно, никакой. Разве что такой же выходец из низов города, как те, что окружали ее в гильдии.

Воры, попрошайки, убийцы.

Достойные ее.

Не такие, как Раза.

Вэл дернула уголок рта и выдохнула.

– Зефф, нет, что ты. Я... мне не до этого. Я вообще не уверена, что когда-нибудь...

– сказала она, но окончательно запутаться во лжи ей не дал перебивший ее в нетерпении Зефф:

– А вот я преуспел! Якова-то моя в положении.

Вэл изумленно подскочила на месте, не веря в услышанное:

– Что?

– Да, вот так. – Бородач приосанился, ерзая задом по печально скрипнувшему стулу. – Ну, рано еще загадывать! Ей еще пару лун ходить, но дело сделано!

– Зефф, я... поздравляю тебя! – ошеломленно выпалила Вэл, чувствуя, как сердце затапливает необъяснимая нежность к еще не рожденному малышу. – Я очень-очень рада. Правда. Это чудесная новость!

– Да-а... представляешь, скоро папкой стану, – задумчиво протянул Зефф, и она с изумлением увидела легкий румянец на его лице. – Верить или нет, никак привыкнуть не могу. Как родит – напьюсь как никогда в жизни, вот обещаю!

Вэл, как ни пыталась, никак не могла стереть с лица дурацкую улыбку. Все, что казалось важным и значимым, вся боль и вина – все померкло и исчезло, словно туман над озером, развеянный сильным теплым летним ветром.

– Надо тебе прекращать с дозорами. Скажи Раза, думаю, он подыщет тебе иное занятие. Ребенок должен отца видеть.

– Да уж. Подыщет он. Куда ему до меня? – насупился Зефф, а затем задумчиво почесал бороду. – Да ничего, как-нибудь. Все нормально будет. Жаль только, что ты моего малого не увидишь.

– Или малую. – Вэл тоже было жаль. Невероятно.

– Или малую, – согласился бородач, поднимая кружку с остатками пива. – Ну что пока гадать? Давай лучше выпьем! Хоть у вас вместо пива моча, но выбора-то нет! За встречу!

Домой она вернулась далеко за полночь, с трудом найдя в себе силы подняться по лестнице. Ноги заплетались, тело не слушалось, и Вэл, не столько пьяная, сколько вымотанная неожиданной встречей, уселась на ступенях прямо под дверью своей мансарды. Она засмеялась, найдя это очень забавным, и со всей силы ударила кулаком в дверь.

– Открой ты уже! – выкрикнула она, мельком вспоминая о спящих соседях.

Да и демон с ними! У нее в кои-то веки был весомый повод немного переборщить с выпивкой.

Дверь распахнулась, и Вэл тут же рухнула через порог, заваливаясь на спину. Длинные растрепанные волосы, подвязанные кожаным шнурком, упали на придверный коврик. Раш, неуверенно виляя хвостом, ткнулся мокрым носом в щеку хозяйки и фыркнул, тряхнув головой.

– Тень? – изумленно воскликнул Никс, совершенно не заспанными глазами рассматривая лежащую в дверном проеме девушку.

«А он не ложился, – с жадным удовлетворением отметила Вэл, – ждал ведь. Вот и замечательно, пусть волнуется».

– Ты где так успела набраться? – спросил мальчишка, присаживаясь на корточки и легонько толкая Вэл в плечо. – Вставай давай, ну!

– Отвали! – рыкнула Вэл, опираясь руками о пол и пытаясь приподняться.

Никс, что-то недовольно бормоча под нос, покачал головой.

– Вот уж не ожидал, что ты такая явишься! – воскликнул он. – Вставай же, не валяйся на пороге!

Вэл хмельно захихикала. Надо же какой заботливый. И ворчит, как сварливая женушка.

Никс ругнулся и, поднырнув под руку Вэл, потянул ее вверх, помогая встать на ноги.

«Сильный, – отметила она. – Так и не скажешь. Ростом-то невысок, зато жилистый».

– Тень, мать твою! Хватит ржать! – прикрикнул Никс, ногой захлопывая входную дверь и подводя ее к кровати.

Вэл мгновенно замолчала, набирая в грудь воздуха, глянула в суровое лицо Никса и тут же прыснула со смеху.

Злился парнишка просто умирительно.

Никс раздраженно подтолкнул ее в спину, и она повалилась поперек кровати, перекатываясь на спину.

Да, перебрала она все-таки с алкоголем. Утро ожидается жизнерадостным.

Вздохнула, сетуя на собственную глупость, раскинула руки на мягком одеяле и уставилась в слегка кружащийся потолок.

А может быть, уже утро? Она с трудом повернула тяжелую голову и посмотрела в окно. Ночь показалась серой, как перед самым рассветом.

Вэл с трудом припомнила подробности их с Зеффом длительного, затянувшегося и щедро сдобренного выпивкой разговора. Какие-то сальные шутки, сплетни о Кара, что-то невразумительное о Вемире... или ей это все привиделось?

Совершенно не верилось в то, что Зефф здесь, в городе людей. Призрак из прошлого, принесший с собой воспоминания и тяжелый, горький осадок вины, которую никогда не искупить.

Образ высокого черноволосого мужчины вторгся в разум непрошеным гостем. Вэл буквально ощущала его присутствие, едва ли не чувствуя знакомый запах кожи.

Наваждение было настолько сильным, что она зажмурила глаза и потерла веки, пытаясь хоть немного прийти в себя.

Получалось с трудом. Мысли сумбурные, рваные, гнетущие, путанные во хмелю одолевали как рой назойливых мух.

Вэл знала только одно – будь у нее шанс увидеть Раза лицом к лицу, она бы нашла в себе силы сказать главное.

«Прости меня. Прости, что подвела. Прости, что подарила тебе только проблемы».

Но все это не имело никакого смысла, потому что Раза очень и очень далеко, а Зефф уже наверняка на полпути к границе.

Вэл припомнила, как они прощались. Объятия, пламенные слова, пожелания удачи – все это было? Или это лишь видения, которые она сама себе надумала?

Нужно просто уснуть, оставив вопросы на потом.

Вэл устало вздохнула, чувствуя, как сон забирает ее в свои объятия.

– Кто это был? – угрюмо спросил Никс.

Кровать прогнулась под его весом. Она вздохнула и, не открывая глаз, сонно произнесла:

– Друг.

– Откуда он? – осторожно спросил мальчишка. – У него такой странный говор. Ты тоже иногда так говоришь.

– Из-за гор, – честно ответила Вэл, не в силах придумать никому не нужную ложь.

Никс промолчал, не удивившись ее словам. Будто бы не было ничего необычного в том, что за Гиблой топью жили люди.

Возможно, не люди.

Вэл внутренне усмехнулась. Вот мальчишка бы изумился, узнай всю правду.

Когда-нибудь она расскажет ему обо всем. Обязательно. Но лишь когда боль утихнет, превратившись в полузабытое воспоминание.

Почувствовав неясное движение, она медленно открыла глаза и недоуменно моргнула, разглядывая перевернутое лицо в обрамлении пшеничных волос.

Никс стоял на четвереньках, склонившись над ней и смотря пронзительными, невероятно взрослыми глазами в ее лицо.

Его губы, чуть приоткрытые, были прямо перед взглядом Вэл. Пальцы нежно, но уверенно отвели упавшую на лоб каштановую прядь.

– Ты слишком красивая, – тихо сказал Никс, невесомо касаясь губами подбородка Вэл, – слишком.

– Эй, прекращай... – слабо запротестовала Вэл, но мальчишка лишь наклонился ниже, целуя ее в губы.

Вэл замерла, ошеломленная происходящим, чтобы суметь правильно разобраться в своих ощущениях и желаниях. Горячее и теплое чувство, давно забытое, вдруг проснулось в ее груди, распускаясь внутри огненным цветком. И одновременно холодный, отрезвляющий протест волной поднялся в том разумном, что еще оставалось в молниеносно потерявшей рассудок голове.

– Не надо... – неуверенно возразила Вэл, но ее слова растворились в нежном поцелуе. Горячий язык мальчишки проник внутрь, мягко лаская, заигрывая и дразня.

Пальцы сжались на плече Никса сильно, наверняка до боли. Вэл оттолкнула его, вкладывая в движение руки силу. Чертыхнувшись, почти скалясь, и вскинула ладонь, поспешно вытирая губы.

– Не смей! – Она, тяжело дыша от охватившей ее злости, отодвинулась и села на кровати, разглядывая замершего перед ней Никса. Легкий румянец окрасил его бледное лицо, светлая челка рассыпалась по вспотевшему лбу.

– Это потому, что мне мало лет? – Никс поежился и поднял на Вэл глубокие серые глаза. – Через пару недель мне пятнадцать.

– Нет, потому что я не хочу! – зло сказала Вэл, глубоко дыша.

Мало лет? Демон побери, ему почти пятнадцать. А через год все шестнадцать. В этом возрасте многие уличные мальчишки пробовали такие вещи, о которых и думать порой было стыдно.

Да разве она вспомнила о возрасте Никса, когда в первые мгновения позволила ему поцеловать себя? Обманываться не имело смысла – ее мало волновал возраст мальчишки.

Тогда почему она оттолкнула его?

Ответ был спрятан так глубоко, что казался несуществующим и ненастоящим.

– Я все равно заставлю тебя забыть его, – тихо сказал Никс, выдергивая из ненужных размышлений.

Вэл вздрогнула, словно мальчишка провел по ее коже кусочком льда.

Хмель будто растаял, сменившись прозрачной ясностью ума.

– Его? – Странная улыбка с ноткой грусти возникла на ее лице.

– Того парня, из-за которого ты такая. – Серые глаза Никса смотрели прямо, заставляя невольно задуматься, сколько же силы, которой со временем предстояло раскрыться, в этом мальчишке.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – устало произнесла Вэл, опуская голову.

О боги. Как же сложно.

Казалось, начав новую жизнь, она оставила все трудности позади, разрешила все спорные вопросы, поставила точку в своих вечных терзаниях и сомнениях. Но нет, все запуталось еще больше. И винить в этом следовало только себя.

– И не хочу знать. Все равно ты будешь со мной, – уверенно сказал Никс.

Вэл удивленно приподняла брови, разглядывая серьезное лицо мальчишки.

Да какой же он мальчишка? Ростом уже догнал свою покровительницу и, того гляди, скоро перегонит ее. Тело, уже давно сформировавшееся, было худым и поджарым, как у холеной гончей. Еще год – и подростковая угловатость сменится взрослой статью.

И почему все это время она видела в нем только глупого подростка? Подростка, который уже превратился в юношу с пронзительными серыми глазами.

Разве Вэл забыла себя, рано повзрослевшую от безысходности собственной жизни?

Забыла.

– Какой самоуверенный, – хмыкнула она, с трудом заставляя себя выглядеть непринужденно. – Негоже, когда женщина старше мужчины.

– Я лучше его, – уверенность в голосе парнишки удивляла, – ты это поймешь.

Вэл дернула ртом и отвернулась, уставившись на черную шерсть сидевшего у кровати пса. Раш опустил уши и вяло вильнул хвостом, заваливаясь на бок, не обращая никакого внимания на свою хозяйку. Красный язык вывалился из пасти, и пес, прикрыв веки, погружаясь в счастливую собачью дремоту.

– С чего ты вообще взял, что это мужчина? – резковато отозвалась Вэл, наблюдая, как вздымается и опускается собачья грудь.

– А это женщина? – парировал Никс.

Вэл промолчала, а затем тяжело рухнула на кровать, закрывая глаза.

– Я же говорила – не влюбляйся в меня. Ничего хорошего из этого не выйдет, – обреченно проговорила она, поворачивая голову и встречая взгляд серых глаз, – ни у кого не выходило.

Никс не ответил, а просто лег рядом, обнял ее локоть и уткнулся лицом в плечо.

– Спи уже, – мягко сказала Вэл, отворачиваясь и рассматривая кусочек светлеющего неба в приоткрытом окне.

Вэл, по обыкновению спрятав лицо в тени капюшона своего плаща, прошла в узкий коридор, мельком глянув на оживленно переговаривающихся между собой разбойников Джанеки. Крепкие осанистые мужики, впервые за долгое время не придавшие значения ее присутствию рядом, не стесняясь в выражениях, обсуждали пойманного ночью в лесах невиданного зверя. Или не зверя — Вэл не вслушивалась в очередные, ничего не значащие рассуждения — ей скоро предстояло увидеть пленника, будь он зверем или человеком, своими глазами.

Утро не задалось с самого начала. Сперва Никс разбудил ее, выдернув из-под головы подушку, отчего Вэл с незлобным ворчанием спихнула его с кровати, а затем в дверь постучала поверенная Джанеки, низкорослая девица с вечно грязной засаленной головой, и передала послание от госпожи.

И вот Вэл оказалась здесь, в гильдии, оставшись без завтрака, удовлетворившись куском белого хлеба с сыром, съеденным по пути к старому складу.

— Смотри, какая суматоха. Интересно, что случилось? — Никс глянул на Вэл, не удостоившую его ответом.

Голова болела так, словно кузнечный молот бил по металлу.

Вэл глубоко жалела о том, что вчера позволила себе выпить лишнего.

Да толку-то теперь сетовать на собственную глупость?

Еще и как вовремя ее позвала Джанека. Будто подгадала.

— Жди здесь, — бросила Вэл Никсу, оставляя того в компании Раша в небольшом холле перед главным залом, где Джанека всегда собирала своих самых доверенных людей.

Мальчишка привычно запрыгнул на широкий подоконник выбитого окна, устраиваясь поудобнее.

Большие двери, залатанные и проржавевшие в местах крепления металлических скоб с деревом, со скрипом поддались, пропуская Вэл вперед.

— Ты пришла. Хорошо. — Госпожа, непривычно собранная и сосредоточенная, приветственно кивнула.

Вэл вопросительно глянула на нее, и та, нахмутив брови, прошла к длинному столу, стоявшему в углу зала. Девушка молча последовала за ней, мельком отмечая, что все самые важные лица уже здесь.

И Кот, худощавый мужик неизвестного возраста, который был ушами Джанеки в городе; и Хмырь с вечно недовольным, покрытым оспинами лицом, неопрятный, вызывающий чувство брезгливости при одном взгляде на него, но дерущийся так, словно каждая драка была последней; и даже Валет-дурачок, огромный детина, ненормально высокий, куда выше Раза и явно крупнее любого оборотня, виденного Вэл.

Валет был страшен, славясь тем, что мог разорвать в пылу драки человека пополам, но с соображалкой у него было туго.

Конечно, тут был Змей, не в пример другим членам гильдии, чистоплюй. И он был единственный, кого Вэл немного, но остерегалась. Слишком он был умен.

Столпившиеся вокруг стола разбойники оглянулись на Вэл, и привычное недовольство отразилось на их лицах. Ничего нового, что могло бы задеть.

– В чем дело? – спросила она нетерпеливо, борясь с тупой болью, прочно пустившей корни в голове. – Я, похоже, одна не в курсе случившегося.

– Тень что, как обычно, фигней страдала, пока мы все дело делали? – фыркнул Кот, закатывая глаза к потолку.

Она проигнорировала выпад в свою сторону и перевела взгляд на госпожу. Та вместо ответа отстегнула с пояса небольшой мешочек и резко швырнула его на стол.

Вэл нахмурилась и потянулась за ним, взяла в руку, подкинула. Не тяжелый, но внутри было что-то объемное. Под молчаливое одобрение она развязала завязки.

Металлический запах крови ворвался в ноздри.

На стол упали два отрезанных пальца: крупные, длиннее человеческих, покрытые бурой косматой шерстью, увенчанные острыми когтями.

Вэл уже видела такие. Не раз и даже не два.

Сердце замерло, воздух вокруг застыл, словно затвердел, превратившись в почти различимую глазом субстанцию.

Она стиснула губы, заставляя себя выглядеть не более чем удивленной. Получалось откровенно плохо.

– Что это? – ровным голосом спросила, рассматривая запекшуюся кровь.

Свежую кровь.

– Вот и мы хотели бы знать, – покачав головой, произнесла Джанека, – ночью парни нелюдь поймали.

Нелюдь.

Этого определения было достаточно, чтобы самые дикие подозрения обрушились на голову Вэл.

Да нет же.

Слишком много совпадений, и оттого совершенно невозможно.

Так случалось только в плохих дешевых книжонках.

Мысль успокаивала, взывая к разуму.

– Не понимаю. – Вэл подняла глаза, вопросительно рассматривая Джанеку.

– Один из наших вчера по пьянке сцепился с каким-то мужиком у таверны. Подрались, – сухо ответила та.

О, создатель...

Надежда на лучшее разбилась об острые камни свалившихся на нее обстоятельств.

– И? – Чем больше Джанека говорила, тем мрачнее становилось лицо Вэл. Верить в очевидное не хотелось, но слишком красноречивы были отрезанные пальцы, лежащие на столе.

– А он в нелюдь превратился. – Джанека откинула со лба непривычную для женщины короткую челку и с неприязнью дернула щекой. – Думала, старики бред рассказывают, а нет. Троих порвал, пока его поймали, тварь.

– Поймали? – переспросила Вэл, внезапно теряясь в собственных противоречивых эмоциях.

Сердце забухало молотом, лицо запылало, охваченное жаром волнения.

– Испугалась, Тень? – хмыкнул Змей, и компания вокруг стола поддержала его издевательскими смешками. – Смотри в штаны не наделай!

– Да сыкло она! – забывшись, брякнул Хмырь, неприятно хихикая своей же неудавшейся шутке.

– Захлопните пасти! – рявкнула Джанека, мигом затыкая своих людей. – Вашего мнения я не спрашивала!

Стычка пришлось как нельзя кстати. Вэл нахмурила брови, глубоко вдохнула и, овладев собой, подняла на госпожу спокойный взгляд.

– И где эта... тварь? – Голос звучал беспристрастно.

Так, как должно. Не хватало еще, чтобы она выдала себя таким глупым образом.

И хотя сердце все еще выстукивало в груди барабанную дробь, на лицо девушки легла привычная маска, не выражающая ровным счетом ничего.

Спасибо Раза за превосходные уроки самообладания.

Джанека обернулась, устремляя темные глаза на неприметную дверь в глубине зала.

В горле запершило, Вэл кашлянула и сглотнула, ощущая непонятное волнение.

Тяжелая толстенная дубовая дверь разительно отличалась от убранства бывшего склада. Она знала, что установили ее не так давно и с одной-единственной целью – надежно держать под замком особо важных пленников госпожи.

Паршиво.

Потому что Вэл прекрасно осознавала, что попавшим за эту дверь обратной дороги

не было.

«Возможно, — сказала она себе, — все обойдется и догадки развеются как пепел по ветру».

Потому что надуманное ею было слишком неубедительным даже для нее самой.

Разве бывают такие совпадения? Появление Зеффа в городе, вчерашний пьяный вечер, драка у какой-то таверны, невиданный зверь, убивший трех человек.

Да нет, глупости.

Осталось только приоткрыть дверь и убедиться в этом.

Небольшое квадратное помещение с невысоким потолком, когда-то служившее, возможно, кладовой, было переоборудовано в то, что Вэл назвала бы чем-то средним между пыточной и темницей.

Прямо по центру стояла круглая клетка, напоминавшая птичью, с толстыми перекрещивающимися прутьями от пола до потолка. Железные прутья, местами ржавые, несмотря на неприглядный внешний вид, не оставляли сомнений в своей прочности. Форма клетки будто издевалась над пленником, не позволяя ему скрыться, вжаться в темный угол, спасаясь от тычков длинными палками с привязанными к ним бечевой острыми ножами. Углов у нее просто не было.

Вэл всегда находила это изобретение Джанеки слишком жестоким. Даже в городской темнице у пленников была возможность спрятать лицо, прижаться спиной к надежной каменной кладке стены.

Может быть, именно поэтому пленники госпожи всегда открывали ей свои тайны. Ну или потому, что эту правду из них с особой ухищренностью выбивали.

Она шагнула через порог, тут же ощущая медный запах свежей крови. Голубые глаза уставились прямо, рассматривая статную фигуру, неподвижно стоявшую посреди клетки.

На мгновение сердце зашло в груди, но холодный трезвый ум, судорожно пытающийся найти возможные пути из возникшей ситуации, взял верх над эмоциями.

— Обыкновенный человек, — ровно проговорила Вэл, чуть поворачивая голову и наблюдая за лицом Джанеки, — не понимаю, как он связан с тем, что вы мне рассказали.

Краем глаза она увидела, как пленник, услышав ее голос, пошевелился в немом изумлении.

«Еще бы, Зефф, ты не был удивлен, мать твою. В какое же дерьмо ты влип, хренов оборотень».

— Его рука, Тень. — Госпожа кивком головы указала на клетку, и Вэл с неохотой подняла взгляд, открыто рассматривая пленника сквозь прутья решетки.

Она видела удивление на лице Зеффа, растерянность и некую оторопелость, словно он никак не мог поверить в представшее перед его взором.

Вэл внутренне горько усмехнулась. А как иначе.

Зефф приоткрыл рот, силясь сказать что-то, но не издал ни звука, уставившись в бледное лицо стоявшей прямо, как струна, Вэл.

«Молчи же, — хотела она сказать ему, — попробуй только открыть рот и показать всем, что знаешь меня».

И спасибо всемилостивым богам, бородач молчал, ничем не выдавая себя.

Вэл опустила взгляд ниже и тут же непроизвольно дернула верхней губой. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как сильно ему досталось. Всего одна ночь, которую Вэл провела в пьяном забытии, оказалась для бородача куда сложнее.

Она видела на его лице следы драки: заплывший, неоткрывающийся глаз, налитый темно-синим, разбитые губы и свернутый на сторону нос, украшенный кровавыми подтеками на верхней губе.

Ублюдки. Били по голове. Хорошо хоть жив остался.

Взгляд опустился ниже, отмечая малейшую деталь.

Его правая рука была залита кровью. Куртка из плотной ткани порвана по плечу, являя взору глубокую рану с разошедшимися краями. Если оставить ее так и не зашить, смерть настигнет бородача даже при условии, что Джанека на время оттянет свои жестокие игры.

Кисть руки, безвольно висящая плетью, лишилась указательного и среднего пальцев, которые теперь лежали на столе за стенами этой комнаты.

«Его резали, — отстраненно подумала Вэл, — просто взяли меч, клинок или обыкновенный кухонный нож — и разрезали ему руку, а заодно лишили лучника того, без чего он лучником быть не может».

В груди стало тесно. Вэл задержала дыхание, а затем нахмурила тонкие брови.

Над стариной Зеффом издевались, пытали, причиняя боль.

Она сглотнула, рассматривая застывшую лужу крови под ногами бородача.

Молчание затягивалось, и Вэл, собрав себя в единое целое, стараясь забыть о терзавшей ее голову нескончаемой боли, спросила первое, что пришло на ум:

— Вы хотите сказать, что этот человек и есть нелюдь, чьи пальцы вы мне показали?

Хмырь, почесав обильно покрытую перхотью голову, хмыкнул и сипло сказал:

— Ага, пальчики-то у зверя хватанули, а потом эта тварь в человека превратилась.

— Ясно. — Вэл стиснула зубы, лихорадочно пытаясь выстроить в голове дальнейшее развитие событий.

Зефф в клетке, из которой нет выхода. Когда, каким образом он так сглупил, что

позволил простым городским разбойникам поймать себя?

Неужели все это произошло сразу после того, как они расстались у таверны? На сколько минут Вэл разминулась с разбойниками из своей гильдии?

Куча вопросов без единого ответа. Да и ответы теперь не имели значения.

– Что у тебя с лицом, Тень? – Джанека нахмурилась, острым внимательным взглядом рассматривая ее.

Вэл встрепенулась, выныривая из своих растерянных мыслей.

Нельзя, чтобы Джанека заподозрила неладное. Не сейчас.

– Ничего. Пытаюсь поверить в то, что вы мне рассказываете, – небрежно пожала плечами Вэл.

По большому счету она, можно сказать, и не соврала.

В происходящее верилось с трудом. Зефф был здесь, в городе людей. Зверь в человеческой шкуре.

Спустя полтора долгих года он внезапно появляется перед Вэл, взбудоражив ее устоявшуюся жизнь, и совершенно невозможным образом оказывается в круглой клетке Джанеки.

Боги уже не шутили, они издевались.

Вэл вновь невольно задумалась о том, какие жестокие испытания выпадают на ее долю. В том, что это испытание – она не сомневалась.

А иначе как объяснить то, что сейчас ее голубые глаза смотрели в потускневшие, запавшие глаза дорогого ей человека.

«Не человека, – в сотый раз поправила она себя, – нет».

Но что самое смешное – это не имело ровным счетом никакого значения.

Ирония судьбы – под огненным жарким солнцем, освещающим оба мира, у нее не осталось никого, за кого она могла бы убить без раздумий, кроме стаи, которую она оставила.

Рам, Кену, Зефф, Кара, Дэни – имя каждого в стае значило слишком много для Вэл, похоронившей себя прежнюю.

Прошло время, поменялся мир, переворачивая бытие с ног на голову, меняя реальность, меняя самое сущее.

Под темными голыми деревьями близ Гиблой топи вместе с лучезарными синими глазами Шейна погибла во многом наивная, неизменно верящая в лучшее Валлери Эйри.

Та прежняя, улыбчивая и очаровательная Вэл отказалась от Раза, тем самым отказавшись от каждого, кто принял ее без лишних вопросов и сомнений.

Каждый из стаи закрыл глаза на ее человеческую сущность, поверив в нее. Но милая девушка, легко овладевающая сердцами близких, оказалась предательницей, пусть и не желая этого.

Предать Раза значило так много, но предать стаю почему-то значило куда больше.

«Я не хотела!» — кричало сердце Вэл. Она недоумевала, в какой момент все пошло не так — неправильно, наперекосяк.

Она желала спасти Раза, который, как оказалось, вовсе не нуждался в спасении, и только.

Нет, было и еще кое-что важное. Она очень хотела быть свободной, задыхаясь в городе за горами.

Разве свобода — это не то, чего достоин человек?

«Благими намерениями выложена дорога в самое пекло, Тень».

Правильность принятого решения не вызвала вопросов. Дело сделано, и не стоило рассуждать о том, что было неизменно.

Сегодня же ей был дан выбор.

Вэл отчетливо, будто на бумаге, видела два пути. Первый путь принадлежал Тени, угрюмой молчаливой девушке, нашедшей свое непритязательное место в жизни. Родной город принял ее, осыпав средненькими в общем-то благами. Она получила вполне себе сытую жизнь с весьма сомнительным смыслом, зато наполненную тем, чего так не хватало ей близ Раза.

Только вот свобода, пьянящая поначалу, приелась, показав острые зубы.

За все следовало платить.

И Вэл знала, что расплата настанет рано или поздно. Когда-нибудь ее рука дрогнет, или тот, чью жизнь она придет отнять, окажется куда проворнее ее.

Возможно, смерть поджидала девушку в пьяной уличной драке или в темной подворотне от руки завистливого, но менее удачливого фаворита Джанеки.

А может быть, она сама закончит все это, проснувшись ранним утром и внезапно осознав, что такая жизнь ей обрыдла.

Этот первый путь, начерченный кровью, означал, что Зефф умрет сегодня или завтра, замученный разбойниками, а Тень, лицо которой скроет капюшон, будет стоять в стороне и наблюдать, заковав свое сердце в лед.

Стоило оно того?

Вэл сомневалась. Променять друга на свою никчемную жизнь, которая и так подходила к своему логическому концу, не получалось даже в мыслях.

Поэтому оставался второй путь — вспомнить, кто она такая.

Вэл опустила глаза, рассматривая обвивающий ее руку золотой браслет.

Ты. Моя. Собственность.

Дело разве в этом? Нет.

Слова Раза, сказанные им когда-то с гневом в голосе, болью отдавались в сердце, но Вэл понимала, что это не главное. Браслет больше не олицетворял собой их отношения, растерзанные, исчезнувшие в жадных челюстях реальной жизни.

Вернее, теперь он олицетворял собой не только их.

Уставившись на собственное запястье, Вэл обретала скрытую прежде истину.

Несомненно, она все еще принадлежала Раза, пусть и сам черный баргест не подозревал об этом.

Но еще она принадлежала стае Раза.

Не имело значения, что думают о ней, предавшей своего вожака, своего Первого, сами члены этой маленькой сплоченной группы. Важно то, что Вэл знала: даже спустя годы, десятилетия, в самый последний день своей жизни она, если потребуется, отбросит все и встанет на их сторону.

— Эй ты! — Валет вытащил из ножен короткий меч и, ловко играя им в руке, направился к клетке. — Эй, нелюдь! Превратись в зверя!

Зефф молчал, сверля взглядом приближающегося разбойника.

Вэл сжала пальцы, с трудом пытаясь собраться с мыслями и найти выход из сложившейся ситуации.

Выхода она не видела.

— У него шерсть под кожей! Маринья рассказывала, что если снять с нелюдя кожу, то там будет волчья шкура! — суетливо облизнув нижнюю губу в предвкушении крови, крикнул Хмырь.

Вэл сделала было шаг к клетке, но резко остановилась, задерживая дыхание.

Стоп. Никаких поспешных движений. Никаких действий на эмоциях.

Валет с молчаливого одобрения Джанеки приблизился к клетке и резко просунул лезвие меча сквозь прутья. Зефф отпрянул в сторону, вовремя угадав его намерения.

Валет захохотал и, подбадриваемый крутящимся около него Хмырем, вновь сделал выпад.

Взгляд Зеффа, непонятный, не говорящий ничего о его мыслях, скользнул по Вэл, вызывая у той странное оцепенение.

Меч задел бородача по бедру, ощутимо ранив его выше колена. Плотная ткань штанов

пропиталась темной кровью. Бурые капли двумя плюхами упали на пол.

– Молчит, зараза! – удивленно протянул Валет, оборачиваясь к госпоже.

– Продолжай! – пожала та плечами. – Посмотрим, сколько он выдержит.

Вэл, медленно сходя с ума от собственного бездействия, положила ладонь на рукоять кинжала.

– Чего удумала, а, Тень? – Ощущение стали на горле заставило сердце дрогнуть. Капюшон упал на плечи, и Вэл замерла, чувствуя дыхание Змея у своего уха. – Говори, пока не прирезал!

Острое лезвие царапнуло кожу. Хотелось сглотнуть, но Вэл не могла – прижатый к горлу длинный нож вдавливался в гортань. Тонкая струйка крови скользнула вниз, щекоча кожу.

– Эй, сучка, – прошептал ей на ухо Змей, – признавайся, знаешь этого хрена?

Она, скомкав мысли, даже не нашла в себе сил удивляться прозорливости Змея. С него станется – слишком он был умен. Наверняка все прочитал по бледному лицу.

Волновало другое.

Вэл видела, как поворачивается госпожа, привлеченная суетой позади себя. Видела, как округлились ее глаза, наблюдая Змея, прижимавшего нож к шее ее любимицы.

И одновременно один молниеносный удар коротким мечом заставил Зеффа шарахнуться в сторону, тяжело припадая на раненую ногу.

– Тень... – растерянно сказала Джанека.

Время замедлило свой бег, словно превратившись в бесконечный водопад песчинок в старинных песочных часах.

На долю мгновения будто вспышка сверкнула в голове.

...замерла, чувствуя острую точку, где клинок касался кожи.

– Убил, – озвучивая очевидное, сухо произнес Раза. – Она просто боится меня, но я верю, что иногда она может уходить в настоящую защиту.

«Я могу много больше, – подумала Вэл, стискивая пальцы на черной рукояти, – куда больше, чем ты можешь себе представить, мой пес».

– Недостойный... прием!

Холодные черные глаза смеялись.

– Когда захочешь жить – это не будет иметь значения!

«Все верно, Раза. И если моя жизнь мало чего стоит, то позволить умереть Зеффу я не могу».

Вэл быстро, уверенно и неуловимо вынула свой клинок, ловким движением кисти развернула его и всадила в мягкий бок Змея, одновременно уклоняясь от дрогнувшего в его руке ножа. Лезвие ободрало кожу на шее, а затем она ударом ноги отпихнула захрипевшего Змея назад, изворачиваясь и прогибаясь в спине, отпрыгивая в сторону. Кровь хлынула на пол, брызгами пачкая штаны.

Рука зашла за спину, нырнула под куртку, короткий метательный нож лег в ладонь, сверкнул в воздухе сталью, а затем вонзился в горло обалдело хлопающего глазами Валета.

Хмырь, едва понявший, что происходит, обернулся и тут же упал на колени, с удивлением рассматривая короткую рукоять метательного ножа, торчащего из груди. Большой кровавый пузырь вздулся на его губах и лопнул, и разбойник, как набитый картофелем мешок, тяжело упал лицом вниз.

– Тень! – громко крикнула Джанека, а затем ее некогда недобрые, полные жизни глаза закатились вверх.

Кровь хлынула, заливая лицо. Дыра открытого рта захрипела, забулькала, и Джанека, подняв руки в немом призыве, повалилась на пол. Торчащий изо лба метательный нож не оставил ей шанса.

Вэл, тяжело дыша, подняла жесткий взгляд, горевший сумасшедшим, испепеляющим пламенем, и Кот, сглотив, попятился назад, вращая безумными глазами, ничего не соображая от охватившего страха.

Лопатки его уперлись в прутья клетки, он вздрогнул всем телом, оборачиваясь на еле уловимое движение сзади. Руки Зеффа сдавили его горло, он закричал из последних сил, а потом тонкая шея хрустнула, и тело, отброшенное в сторону, бесполезным кулем упало на пол.

И в миг, когда глаза Вэл встретились с взглядом Зеффа, она вдруг поняла, как дрожат ее руки.

– Что это? – ошалело бормотал Никс, оглядывая широко распахнутыми серыми глазами окровавленные тела, лежащие на полу комнаты. – Что это такое? Что это, Тень? Что?

– У нас мало времени для причитаний, – отрезала Вэл, морщась от сжимающей ее огненным кольцом головной боли. – В коридоре кто-то был?

– Не знаю, – растерянно, не отводя взгляда от тел на полу, пробормотал парнишка, – не знаю, не знаю...

– Да приди ты в себя! – Вэл схватила его за плечи, хорошенько встряхивая. – Никс, ты нужен мне сейчас! Нам не выбраться отсюда, если ты не начнешь соображать!

– Я... да, Тень. Да, я... – Никс сглотнул, отрывая взор от тела Джанеки и переводя его на Вэл. – Я тут. Да.

– Здесь есть чердачная лестница, слышишь? У нас не более получаса, пока остальные не заподозрят неладное. Ты в гильдии давно, ты должен знать это здание. С крыши есть выходы? – Вэл крепко стиснула руки мальчишки, и Никс, в глазах которого все еще сверкала искорка безумия, растерянно заморгал.

– Ты убила Джанеку, – тупо произнес он, заставляя Вэл застонать от бессилия.

Она рывком отпустила Никса и отвернулась, прижимая ладонь ко лбу.

«Думай, мать твою, Валлери, думай!»

– Что-то он не сильно смысленный у тебя, – тихо сказал Зефф.

Бородач стоял рядом, зажимая пальцами здоровой руки рану на искалеченной.

Вэл закусила нижнюю губу, грубо оттолкнула носком сапога крутящегося у ног Раша и быстрым шагом направилась к не приметной деревянной двери, скрытой в темной нише комнаты.

Выбора не было – путь оставался только один. Вернуться в общие коридоры здания бывшего склада значило подписать себе смертный приговор.

Она дернула дверное кольцо, уже заранее зная, что все усилия тщетны. Дверь была заперта.

– Твою же! – Вэл в сердцах ругнулась и со всей силы ударила в нее плечом.

Потом еще и еще. Дверь заскрипела, но не поддалась, прочно удерживая свои границы.

– Дай-ка я! – Зефф аккуратно, но требовательно отодвинул Вэл, коснувшись ее локтя.

Бородач приналег и врезался всем телом в печально хрустнувшее дерево.

– Зефф, да ты убьешься! – Она увидела, как вздулись вены на его шее. Капельки пота заблестели на лбу. – Отойди, ты и так еле живой!

– Ты, конечно, кажись, теперь крутая, но все же баба. Отойди прочь!

Бородач окинул Вэл выразительным взглядом, от которого захотелось провалиться сквозь землю, и тут же ударил в дверь ногой – она хлипко отлетела в сторону, повиснув на одной петле.

– Прости, забыла, с кем имею дело, – оторопело сказала она.

Зефф слабо улыбнулся и кивнул в открывшийся темный проем.

– Ну что, vedi, Тень, – с двусмысленной усмешкой произнес бородач.

Вэл обернулась, не желая, чтобы оборотень видел выражение ее лица в эту секунду, и схватила застывшего как изваяние Никса за запястье.

– Шевелись, ну же! – Вэл потащила его за собой, и парнишка, очнувшись, вскинул голову и поспешил за ней, едва не переходя на бег.

– Не тяни ты, Тень, больно же! Иду я! – Никс выдернул свою руку и потер запястье. – Выход с крыши есть, я покажу.

– Отлично, – почувствовав облегчение, кивнула ему Вэл, жестом подзывая Раша.

Пес дернул ухом и послушно подошел к хозяйке.

Зефф хмыкнул, исчезая в темной глубине прохода, оставляя на потом много невысказанных вопросов.

В последний раз она обернулась и, обводя взором лежащие на полу тела, пропустив перед собой что-то нервно бормочущего себе под нос Никса, ступила в поглотившую ее тень.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/olga-aro-24358933/prikosnovenie-zverya/>